Луначарский

Три Кадета

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГЭЖ 215
Л 846

А. ЛУНАЧАРСКІЙ.

ГЖ215
Л846

ТРИ КАДЕТА

ПАМФЛЕТЪ.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.
1907.

ГЖ215
Л 846

А. ЛУНАЧАРСКІЙ

ТРИ КАДЕТА

ПАМФЛЕТЪ

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.
1907

П

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008

К. 1984

ГЖ215 р
Л846

Товарищество «Вольная Типографія». Фонтанка, 94.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
25 35832

ТРИ КАДЕТА.

ВСТУПЛЕНІЕ.

«Вы собираетесь, какъ я слышалъ, писать о кадетахъ?» спросилъ меня недавно одинъ безпартійный коллега. Я отвѣтилъ утвердительно. Коллега взглянулъ на меня довольно сурово: «Вѣдь ругаться будете? Эхъ, не время! Правительство ихъ жметъ, въ подполье гонитъ, а тутъ еще слѣва все та же издѣвка, все тотъ же свистъ!»

Но боже мой! неужели такъ ужъ и нельзя ничего сказать о кадетахъ, кромѣ ругательствъ? Партія народной свободы не ничтожная и не эфемерная величина, и ни въ какой періодъ времени не можетъ бояться критики Это не то, что партіи-однодневки, вродѣ, напримѣръ, радикаловъ или свободомыслящихъ, которыя дѣйствительно могли умоляюще поднять глаза на критика и, сложивъ руки, прошептать:

«Такъ коротокъ мой вѣкъ,
Онъ не долѣе дня, —
Будь же добръ, человѣкъ,
И не трогай меня!»

Кадетская партія выживетъ. Конечно, когда я пишу эти строки, для меня, какъ и для всей Руси великой, оста-

ется вопросомъ, что сулитъ намъ ближайшее будущее, но наиболѣе вѣроятнымъ представляется, что кадеты вернутся въ Думу, въ меньшемъ, пожалуй, количествѣ, но умудренные опытомъ, еще болѣе зміи мудростію, еще болѣе голуби кротостію, и сдѣлаютъ новую попытку столковаться, пойдя на большія уступки.

Оставимъ на минуту въ сторонѣ отъ учета великую народную волну, которая бурлитъ теперь глухо въ какихъ-то провалахъ и глубинахъ, оставимъ въ сторонѣ эту медленную (охъ, тяжела на подъемъ матушка Русь), но прочную работу самоорганизаціи, результаты которой, вѣримъ, знаемъ, выступятъ въ одинъ прекрасный день, воистину прекрасный и грозный въ величіи своемъ день, чтобы начать съ того мѣста, гдѣ остановилось истинно революціонное творчество, разбившееся о все еще крѣпкую, вѣками организовавшуюся скалу порабощенія, не найдя подъ собой достаточно уже толстыхъ и длинныхъ корней. Оставимъ въ сторонѣ эту работу корней, взглянемъ на поверхность, на ту довольно скользкую плоскую поверхность, по которой вытанцовываютъ свои контрдансы господа политики, и посмотримъ, такъ ли плохи шансы кадетовъ, чтобы ихъ жалѣть.

«Клемансо перемѣнилъ круглую шляпу на цилиндръ»! летитъ телеграмма. Головы въ цилиндрахъ склоняются другъ къ другу и шепчутъ: «Клемансо снялъ

цилиндръ». Г. Извольскій долгимъ и острымъ взглядомъ дипломата смотритъ на эту фразу: «Кажется, нашъ»! говоритъ онъ себѣ. И онъ правъ. «Clemenceau est mort, vive Clemanceau!» Мирно спитъ въ гробу журналистъ Клемансо, и, какъ ружье съ гейневскимъ солдатомъ, положено съ нимъ его блестящее въ ядъ обмокнутое перо. Но Клемансо въ цилиндрѣ, улыбаясь лисьей улыбкой въ сѣдину усовъ, сталъ профессіональнымъ дипломатомъ.

О, великій кадетъ! Ты приводишь въ восторгъ своими маневрами, великій кадетъ, великій ловецъ людей передъ Господомъ.—Какъ къ рукамъ пришлись тебѣ соціалисты-карьеристы (официально: независимые соціалисты), сколько елея льютъ они на раны пролетаріата, а палата не жалѣетъ и клея на афишированіе блестящихъ рѣчей твоихъ подручныхъ. «Внутренній миръ»! провозглашаешь ты. Буржуа ежится, ему не по себѣ. Какъ бы этотъ фантазеръ Клемансо не накуралесилъ. Но въ общемъ онъ догадывается, онъ начинаетъ понимать.

«Внутренній миръ! C'est bon!» А бѣдняга Жоресъ, бѣдный «великій трибунъ» совершенно озадаченъ словесностью соціалистовъ - карьеристовъ: «Превосходныя слова говорятъ: клеить, клеить!» Каждый разъ заражается онъ гэдистскимъ электричествомъ и по совѣсти готовъ «разоблачать Клемансо», но каждый разъ разря-

жается онъ, распускается въ душистыхъ теплыхъ волнахъ министерскаго краснорѣчія, совершенно соціалистическаго, но увѣряю васъ, с о в е р ш е н н о соціалистическаго! Старикъ Гэдъ, тотъ видитъ ясно, зорко, не проведешь ветерана пролетарскаго движенія: Клемансо морочитъ рабочихъ, развращаетъ массы ради внутренняго мира, сглаживаетъ углы, замазываетъ щели, онъ уступками и словесностью стремится скрѣпить готовую рухнуть эксъ-твердыню, онъ врагъ, опасный врагъ; ни секунды пощады, ни секунды колебанія; протянуть ему руку хоть на часъ, значитъ выступить куклой въ его театрѣ маріонетокъ, гдѣ дается поплая комедія: «Сотрудничество классовъ, или Великая Франція!»

Почему я говорю о Клемансо? Потому что и с т и н н ы й в о ж д ь р у с с к и х ъ к а д е т о в ъ — К л е м а н с о. Клемансо—послѣднее усиліе буржуазной мысли и воли, послѣдній талантъ (можетъ быть, геній?) буржуазнаго класса, прикащикъ, можетъ быть, даже душеприкащикъ капитала, и молодыя потуги нашихъ цыплятъ, еще не сладившихъ съ скорлупою яицъ, сопровождаются сердечнымъ порывомъ къ старому гальскому пѣтуху.

Клемансо снялъ цилиндръ. Извольскій къ нему поѣхалъ съ визитомъ. Чело публицистовъ изъ «Рѣчи» наморщилось. «Кажется, нашъ!» думаетъ г. Извольскій

подъ мягкій стукъ экспресса. «Кажется, ихъ!» съ тревогой думаетъ публицистъ «Рѣчи», кусая перо.

Да, Клемансо снялъ круглую шляпу. Но его круглая голова съ этими шишками надъ бровями осталась та же.

Да, онъ болѣе, чѣмъ когда-либо, оппортунистъ (при всемъ своемъ радикализмѣ онъ всегда имъ былъ—припомните Коммуну), болѣе, чѣмъ когда-либо, склоненъ добродушно улыбаться на цитаты изъ своихъ статей и рѣчей: «Mais, mon cher, c'est de la littérature, tout ça, voyons!»

Но онъ — прежній Клемансо по таланту, этого не оцѣнилъ г. Извольскій. Клемансо въ цилиндрѣ! Онъ сталъ дипломатомъ! Но, милый г. Извольскій, есть фаготы и фаготы! Г. Извольскій совсѣмъ другой фаготъ! Разговорившись съ Клемансо, онъ не сталъ скрывать отъ коллеги, что финансовыя нужды Россіи велики. Но зато все непріятное уже подходитъ къ концу. Столыпинъ такъ искусенъ! Однихъ напугалъ, другихъ купилъ. Терроръ симптомъ разложенія революціи. Кто же этого не знаетъ? Судороги, агонія! Дума! Она будетъ созвана. Конечно, она, можетъ быть, будетъ будировать, но если намъ дадутъ немножко денегъ, она у насъ скоро-скоро станетъ шелковая. Словомъ, мы въ силѣ, мы на верху горы. Уберите же Бомпара, который не хочетъ понять этого. Намъ нельзя имѣть посла буржуа. О, мы уважаемъ буржуазію и у себя, и за рубежемъ, но теперь въ силѣ—мы! Нуженъ

посолъ, который понялъ бы, что революція въ Россіи окончена.

Вѣжливый отказъ и лисья улыбка въ сѣдину усовъ. «Постой же, старый якобинецъ!» думаетъ г. Извольскій, кажется, ты ребячишься—тѣшишься т. наз. идеалами, но ты не знаешь силы процента! Неужели парижская биржа откажется на выгодныхъ условіяхъ спять съ плечъ русскаго мужика послѣднее рубище? Мы будемъ апеллировать отъ тебя, старая газетная крыса, къ настоящему повелителю Франціи—къ биржѣ». Помните у Мольера сцену, въ которой Гарпагонъ восклицаетъ: «Онъ беретъ ее безъ приданаго!» «Безъ приданаго?»—«Да»—«А! ну, тогда я ни слова—это такъ убѣдительно!... Правда, ваша дочь можетъ сказать, что бракъ великое дѣло, что выйти замужъ—значитъ рѣшить вопросъ счастья или несчастья цѣлой жизни»...—«Безъ приданаго!»—«Вы правы, это рѣшаетъ все. Кто-нибудь, пожалуй, станетъ говорить, что сердцу дѣвушки нельзя приказывать, что...»—«Безъ приданаго»—«Да, да... конечно... Тутъ самъ чортъ рта не разинетъ!...» Такъ же магически дѣйствуютъ слова: большой процентъ! Тутъ самъ чортъ долженъ молчать.

Но банкиръ понимаетъ уже немного своего Клемансо. «Банкиры Франціи», говоритъ Клемансо, «неужели вы полагаете, что я глупъ и не понимаю, кто правитъ во Франціи? Да, да, капиталъ остается некоронованнымъ

королемъ ея, да, я такой же вамъ homme d'affaire, какъ и всѣ мои предшественники. Только я умнѣе и рѣшительнѣе ихъ. Миръ внутри и великая Франція! Вы понимаете, какимъ жирнымъ жаркимъ пахнетъ въ воздухѣ. Принюхивайтесь, почтенные банкиры! Вамъ сулятъ кушъ: Вы возьмете его, онъ не убѣжитъ отъ васъ. Посмотрите: мы крѣпче стянемъ entente cordiale, флиртъ съ Италіей идетъ, какъ по маслу, а франко-русскій союзъ? Годится ли Россія, какъ союзница? Вправѣ ли она разсчитывать теперь на такое мѣсто! Она будетъ нашимъ вассаломъ! Но поставивъ въ вассальныя отношенія ея нынѣшнихъ безотвѣтственныхъ правителей—смотрите, чѣмъ мы рискуемъ? Во-первыхъ, ежечасно бойся, что ихъ свергнутъ, и народная власть посмотритъ на насъ, союзниковъ двуглавой хищной птицы, какъ на враговъ; я не вѣрю даже въ полицейскую сноровку этихъ отжившихъ дикихъ бюрократовъ. Во-вторыхъ, они будутъ красть; сколько бы вы имъ денегъ ни давали—всегда у нихъ будетъ плохой флотъ, армія, никуда негодная, а мы, давая деньги, хотя бы и подъ хорошій процентъ, хотимъ, чтобы они служили намъ, превращались бы не въ порхающихъ балеринъ и громоздкія палаты, а въ пушки и броненосцы на страхъ наслѣдственному врагу; въ третьихъ—они нѣмцы, всѣ эти штатскіе и военные генералы, они нѣмцы, и изъ подъ нашего ла-

кированнаго башмака будутъ вожделѣть къ задраннымъ усамъ вѣнценоснаго истерика. А между тѣмъ—подумайте, если вмѣсто генераловъ, сядутъ эти милые кадеты? Вѣдь они отличные ребята, въ реформахъ они не пойдутъ слишкомъ далеко, съ престоломъ поладятъ великолѣпно, позволятъ разжижить себя мирнообновленцами, даже съ Витте, пожалуй, сойдутся и будутъ прочнѣе, умнѣе, честнѣе. На нѣмцевъ смотрѣть будутъ, какъ на враговъ, ибо задранные усы дѣйствительный ихъ врагъ! И русскій народъ будетъ продолжать платить вамъ богатую дань»!

«Да здравствуетъ же союзъ народовъ подъ руководствомъ кадетовъ Франціи, Англіи и Россіи, да здравствуетъ блестящая изолированность пышныхъ усовъ! Да здравствуетъ обозореніе соціалистовъ реформами и рѣчами соціалистовъ—перебѣжчиковъ»!

И банкиры Франціи одинъ за другимъ величаво пронесли передъ г. Извольскимъ свои большіе животы, пріятно позванивающіе золотыми брелоками, и каждый, заложивъ руки за спину, сказалъ: «Ни одного су! собирайте думу».

И ощутилъ г. Милюковъ легкій зудъ въ пальцахъ, сладостное предвкушеніе долгожданнаго портфеля. Уже посматриваетъ онъ на окна шляпныхъ магазиновъ—думаетъ: «Замѣню ли я т о г д а мою шляпу цилиндромъ?» О грезы, близящіяся вновь къ осуществленію, то свѣ-

тящія, то меркнущія!. «Равненіе направо!» командуетъ Милюковъ, и «Vive Clemanceau»!

Быть можетъ, это ошибка. Быть можетъ, такъ и не будетъ. Но, однако же, это очень вѣроятно *).

Критика кадетовъ большая задача. Не только критика россійскаго кадета въ его специфическихъ чертахъ, но въ его общихъ европейскихъ чертахъ. Грядутъ великіе и малые соглашатели. Данайцы несутъ свои дары пролетаріату. Данайцы несутъ ихъ и крупной буржуазіи, въ Россіи и верховной власти. «Овцы будутъ цѣлы», говорятъ данайцы. «Волки будутъ сыты», говорятъ данайцы. Политика пролетаріата—недовѣріе.

И въ томъ лагерѣ, тамъ, за раззолоченными кулисами, повторяютъ, озираясь вышедшими изъ орбитъ глазами: «Не довѣряйте, не довѣряйте, никому не довѣряйте». «Никто намъ не вѣритъ», говорятъ кадеты. «Но они такъ ненавидятъ другъ друга! Правительство такъ глупо, революція такъ еще слаба, что мы утвердимся. Лавируйте, лавируйте, вылавируете!»

Но я то собственно даже не критикой программы хочу заняться. Соціалдемократы много разъ и очень удачно отмѣчали и собственническіе интересы подъ великодушіемъ кадетскихъ князей и боляръ, и двѣ души,

*) См. постъ-скриптумъ.

трепещущія въ груди партіи: какъ бы угодить и Богу, и мамонѣ, не показаться слишкомъ страшными верхамъ, ни слишкомъ дряблыми низамъ, и безплодный морализмъ, и дешевую хитрость, присущую маклеру, лишенному собственной силы, а лишь учитывающему борьбу другихъ, и поползновеніе заранѣе построить съ лазейками новый законодательный домикъ, куда поселится когда-нибудь кадетская кума-лиса, снабдить его и атрибутами сильной власти. Ихъ лукавство, ихъ губчатую природу въ борьбѣ, ихъ министеріалистскія вожделѣнія, революціонную фразеологію и, отъ времени до времени, раболѣпные поклоны—туда. Все это освѣтила соціалдемократическая критика.

Я не сдѣлаю этого лучше. Кто можетъ лучше—пусть сдѣлаетъ.

Передо мною возникаетъ нѣсколько иной вопросъ. Какъ пріобрѣла эта партія своихъ идеологовъ? Какъ выработала она за этотъ короткій срокъ свою духовную физіономію. Вѣдь у нея есть знамя. Есть свой священный палладіумъ, долженъ быть свой пафосъ! Пафосъ политической пошлости. Это интересно, пошлая соглашательская политика, политическое маклерство, когда оно душа большой партіи въ моментъ большой революціи, должна принять возвышенный обликъ, должна восприниматься, какъ нѣчто безусловно цѣнное. Какъ совер-

шается преображеніе загнившаго либерализма въ трубные гласы, въ высокопарныя рѣченія? Ахъ, я знаю, что мнѣ скажутъ. Все это лукавство, обманъ, мишура. Двигатели аппетитъ, классовой аппетитъ, страхъ классовый. Для профановъ сурьмой сурьмятся, бѣлилами бѣлятся. Нѣтъ, это не такъ. Это уже вульгаризація психологическая.

Да, Долгорукіе проговаривались. Кауфманы позорно заголялись. И всетаки классовой разсчетъ рѣдко живетъ въ психикѣ своихъ носителей въ обнаженномъ видѣ; онъ горитъ на днѣ души, иногда едва сознаваемый, а дымъ его порождаетъ въ головѣ принципы и идеалы, будто бы самостоятельныя цѣнности.

Кому неизвѣстно, что кадеты рѣзко дѣлятся на либеральныхъ земцевъ и интеллигентовъ—освобожденцевъ? Говорятъ: и послѣдніе классовики. Вѣдь это профессора! Профессоръ! Каррикатурная въ общемъ фигура —русскій профессоръ. Посмотрите же на этихъ автономныхъ трусовъ, которые изъ страха передъ начальствомъ готовы связать студентовъ по рукамъ и по ногамъ! Естественнымъ кажется, что студентъ, становясь пр.доцентомъ изъ с.-д. или с.-р, превращается въ «народнаго соціалиста» или безголовца (беззаглавца тожъ), а переходя къ профессурѣ—хорошо еще, если удержится на кадетствѣ, а то пожалуй поднимется до высотъ Трубецкой нравственности съ ея пѣтушьими ногами, или

до «строго научнаго»—Герьеризма! Профессора и прочіе представители либеральныхъ профессій съ хорошей оплатой труда, это лагерь сытыхъ, боящихся, поэтому, голоднаго брата, тощаго человѣка.

Чѣмъ меньше интеллигентъ боится тощаго человѣка—тѣмъ онъ лѣвѣе. Онъ опредѣляется своимъ чувствомъ къ тощему человѣку, которое варіируетъ отъ припадковъ струвистскаго страха—до полнаго и раболѣпнаго блузообожанія, доходящаго до самосѣченія передъ лицомъ бога-пролетарія.

Все это, конечно, вѣрно. Но тутъ любопытна и чисто-психологическая сторона. Мысли, чувства и программы шиты на двухъ подкладкахъ. Одна, самая главная, подкладка — подоплека — соціально-экономическая.

Другая—менѣе важная, но интересная и узорная—соціально-психологическая. Разбираясь въ ней, видимъ, какъ перерабатываются подсознательные, зачастую, соціально-экономическіе интересы въ человѣческія, психическія цѣнности.

Программы, лозунги — цвѣты, экономика—почва, работа переплета корней. Психологія—стебель, соединяющій то и другое. И онъ далеко не простая палочка, не простая трубочка.

Это не интересно? Читатель, которому не интересно,

брось эту книжку. Не теряй твоего дорогого времени, поди занимайся великой наукой—политической экономіей во всей ея марксистской широтѣ. Но прошу тебя, читатель, которому не интересно, бросая книжку, не ругайся. Если бы авторъ ея хотѣлъ психологическую задачу поставить на мѣсто соціологической—онъ достоинъ бы былъ анаѳемы партійнаго собора. Но онъ хочетъ рядомъ съ той, бо́льшей задачей поставить эту маленькую, онъ считаетъ себя вправѣ такъ сдѣлать. Пусть будетъ великъ и богатъ нашъ соціалдемократическій оркестръ. Не всѣмъ же въ унисонъ играть на первыхъ скрипкахъ, или трубить да барабанить, почему не допустить и втору интереснаго альта. Вотъ если онъ сфальшивитъ, если выйдетъ диссонансъ—дѣло другого рода. Но это будетъ означать только, что альтистъ плохъ, а не то, что альтъ незаконенъ,—что психологъ негоденъ, а не то, что психологія не можетъ, вторя соціологической мелодіи, ее подкрѣплять и обогащать.

Итакъ, вотъ задача: разобраться немножко (для доскональнаго разбора нѣтъ мѣста въ этой, поневолѣ краткой работѣ) въ идеологіи кадетовъ, какъ она выразилась въ физіономіяхъ трехъ хорэговъ: г. Милюкова, г. Струве и г. Родичева. Физіономіи эти характерны, интересны, сквозь нихъ, какъ сквозь окна, видно, какъ работаетъ кадетская душа, какъ она, питаясь классовымъ ап-

Библиотека Института Ленина
35832.

петитомъ и классовымъ страхомъ гонитъ свой стебель, раскрываетъ свои цвѣты.

Интересно тутъ и раздѣленіе функцій. Помѣщики больше всего доставляютъ питаніе въ видѣ страховъ и вожделѣній, профессора больше гонятъ стебель, наконецъ, г. Родичевъ больше всѣхъ раскрываетъ цвѣтовъ. Если взять самого Струве или Родичева, особенно въ моменты творческаго самозабвенія, когда первый «свято ищетъ при свѣтѣ логики и совѣсти», а второй «поетъ себѣ поетъ», то элементы вожделѣнія и страха, какъ будто отсутствуютъ, кажется, что это цвѣтъ безъ корней, что это цвѣты философской мысли, цвѣты горячаго краснорѣчія и только. Да, я готовъ допустить, что корешковъ непосредственной — классовой корысти у этихъ трехъ героевъ нѣтъ. Но они верхушки соціальнаго растенія, другіе, съ ними неразрывно сплетенные, засѣли въ черной землѣ, жаждутъ расти и одолѣть червя, ихъ гложущаго, и только все вмѣстѣ: отъ опасеній Долгорукова и рядовыхъ земцевъ до голубиныхъ полетовъ г. Струве и соловьиныхъ трелей Родичева, только все вмѣстѣ есть русское кадетство.

Господинъ Милюковъ, или о вредѣ исторіи.

Мнѣ припоминается одна замѣчательная сцена изъ «Дѣтей Солнца»: къ мечтателю—химику приходитъ «хозяинъ дома» и заявляетъ ему, что хотѣлъ бы «взять его въ управляющіе» химическимъ заводомъ. Полно разлагать и слагать «живое вещество», не угодно ли составить смѣту химическаго завода и заняться изготовленіемъ мыла и помады. Хозяинъ дома есть хозяинъ дома. Онъ умѣетъ поставить на своемъ. Онъ умѣетъ извлекать практическую пользу изъ самой чистой науки самаго чистаго квартиранта. Правда, Протасовъ возмущается. Но авторъ драмы довольно прозрачно намекаетъ, что онъ вынужденъ будетъ склониться на согласіе.

У Горькаго примѣръ грубоватъ. Не по нуждѣ только залучаетъ буржуазія ученыхъ, «дѣтей солнца», въ свои цѣпкія лапы: они сами идутъ къ ней. Вѣдь они растутъ въ ея домѣ, въ его затхлой атмосферѣ, воспитываются въ ея университетахъ. Пусть эти университеты тысячу разъ называютъ императорскими, но фактически они давно ушли впередъ, у нихъ все, какъ на

западѣ: «и тотъ нарядъ, и тотъ же разговоръ». И даже особый лоскъ придаетъ этимъ передовымъ профессорамъ ихъ фрондированіе противъ стараго, отживающаго, не настоящаго хозяина дома. Буржуазія создаетъ себѣ науку по образу и подобію своему, науку, отвѣчающую ея потребностямъ. Не хитро, не по плану, участіе сознанія тутъ минимально, нѣтъ! вся среда торжествующаго капитализма накладываетъ свою печать на флору и фауну современнаго человѣческаго общества. Не думайте же удивляться, когда объективный ученый, углубленный историкъ вдругъ предложитъ буржуазіи написать смѣту конституціи и заняться варкой законопроектовъ и резолюцій.

Быть можетъ, г. Милюковъ оскорбляется, когда ему говорятъ, что онъ слуга буржуазіи? Мы увидимъ, что въ свои наиболѣе свѣтлые моменты онъ совершенно признаетъ это. Но видите ли: г. Милюковъ не потому служитъ буржуазіи, чтобы буржуазія была дорога ему, или изъ-за личныхъ выгодъ, спаси насъ Богъ отъ подобныхъ пошлыхъ обвиненій, нѣтъ—познаніе объективныхъ законовъ исторіи, законовъ развитія общества привело его къ его политической позиціи. Сама наука поставила его тамъ, гдѣ онъ стоитъ. «Да... профессоръ исторіи!» гордо бросилъ г. Милюковъ чертоплясу Меньшикову. Вы видите профессора исторіи за практикой!

Великій врачъ теоретикъ лечитъ больного. Нисходитъ на землю всемудрая Кліо. Изъ ложи бенуара вылѣзаетъ на сцену видный театральный критикъ и начинаетъ лицедѣйствовать. Онъ взвѣсилъ и нашелъ легкимъ и осудилъ старый порядокъ. Духъ исторіи пришелъ въ движеніе. Старый организмъ переживаетъ встряску. Онъ долженъ обновиться. Всѣ симптомы на лицо. Правые! если г. Милюковъ не съ вами—это потому, что вы осуждены исторіей. Г. Милюковъ тіунъ великой княгини —исторической науки, что свяжетъ,—связано будетъ, что разрѣшитъ,—разрѣшено будетъ: итакъ, правые, трепещите, слушая спокойную рѣчь профессора исторіи. Трепещите и вы, якобинцы!

Г. Милюковъ долго и упорно воевалъ противъ правительства. Молодость, темпераментъ толкали его къ «излишествамъ». Его гнали, изгоняли, заточали. Онъ пріобрѣлъ имя среди бѣдныхъ якобинцевъ. Этотъ—нашъ, думали они. И въ первое время послѣ принятія въ свои руки историко-практическихъ браздовъ, г. Милюковъ благосклоннымъ окомъ глянулъ на лѣвыхъ, на козлищъ стада. Онъ сказалъ имъ нѣчто, подобное знаменитой рѣчи мармеладовскаго судіи: «озорники вы, но и вы войдете въ царствіе». Похлопывая по плечу пламеннаго «козла» эсера и «упрямаго доктринера» эсдека,—г. Милюковъ ласково сказалъ имъ: «Друзья слѣва». Но по-

степенно это «друзья слѣва» стало звучать у него все болѣе иронически и, наконецъ, даже въ этомъ ироническомъ и горькомъ смыслѣ стало обнимать собою одного г. Прокоповича съ супругою, чадами и домочадцами.

Нѣтъ, якобинцы! нѣтъ, несчастныя исчадія иллюзіи, нѣтъ, — вы осуждены исторіей. Не раздѣлитъ съ вами кровъ, не станетъ пить съ вами изъ одной чаши великій историкъ Милюковъ. Онъ знаетъ, гдѣ отмѣрила и отрѣзала исторія, онъ трезвъ—вы пьяны! Долгая историческая школа обогатила г. Милюкова даромъ трезвости. Трезвость—великая сила.

Конечно, молодой Ницше, нападая такъ рѣзко на исторію въ своемъ первомъ трудѣ—былъ неправъ. Онъ изрекъ, по обыкновенію, много сверкающихъ парадоксовъ. Но кое въ чемъ неистовый философъ съ молотомъ былъ глубоко правъ.

«Если историческое направленіе мысли ничѣмъ не связано и неуклонно доходитъ до своихъ крайнихъ выводовъ, то оно неизбѣжно уничтожаетъ будущее, уже тѣмъ, что разбиваетъ иллюзіи и отнимаетъ у явленій міра ту жизненную атмосферу, безъ которой они гибнутъ. Поэтому, даже тогда, когда историческая справедливость неподдѣльна и руководствуется самыми чистыми побуж-

деніями, все же она является пагубной добродѣтелью».

Такъ говоритъ Ницше. О! отнять жизненную атмосферу у того или другого класса, ею окруженнаго, не удастся никакому профессору! но отнять ее у себя легко историку. Хорошо разсѣивать иллюзіи, но, сокрушая все историческимъ пестомъ въ критической ступѣ, можно размозжить и то, что могло бы вырости. Не очень хорошо требовать отъ своихъ усилій и борьбы своей политической группы, своего класса — слишкомъ многаго, но еще гораздо хуже, безконечно вреднѣе требовать слишкомъ малаго и, отмѣривъ своимъ вершкомъ, наложить табу на всю ту область, гдѣ начинается рискъ, гдѣ начинается новь.

Ницше говоритъ.

«Есть извѣстный предѣлъ бодрствованія, жвачки, историческаго образа мысли, которой не дано безнаказанно переступать, какъ отдѣльному человѣку, такъ и цѣлому народу или культурѣ: за нимъ грозитъ постепенное паденіе.

Чтобы найти и строго очертить границы, за которыми прошлое должно быть забыто, ибо иначе оно обращается въ палача жизни,— слѣдуетъ точно выяснить, какъ велика пластическая способность индивидуума, народа или культуры».

Но индивидуумъ, пропитанный буржуазностью, но буржуазная культура не смѣетъ, не можетъ видѣть дальше своихъ цѣлей, своихъ горизонтовъ, и въ прошломъ они находятъ опору себѣ, опытомъ прошлаго они стремятся заслонить солнце и дали отъ глазъ другихъ. И никто не дѣлаетъ этого авторитетнѣе профессоровъ исторіи.

Новый индивидуумъ, адептъ новаго класса анти-историченъ постольку, поскольку на почвѣ исторіи онъ раститъ, онъ строитъ небывалое. Прекрасно характеризуетъ такое сочетаніе историческаго смысла и свободы отъ исторіи тотъ же Ницше.

> «Лишь тогда, когда человѣкъ путемъ размышленія, сравненія, разобщенія и соединенія заключаетъ въ границы анти-историческій хаосъ, и въ его густомъ туманѣ зажигается яркій сверкающій свѣтъ, иначе говоря—когда является сила воскресить прошлое къ жизни и изъ былого опыта снова творить исторію,—лишь тогда человѣкъ становится воистину человѣкомъ.»

Буржуазный историкъ «растекается мыслію по древу», тонетъ въ чащахъ исторической закономѣрности, не умѣетъ осѣдлать исторію. Когда подходитъ къ исторіи творческій геній, подобный Марксу, рукой хирурга онъ снимаетъ и отметаетъ то, что ему излишне съ точки

зрѣнія преслѣдуемой имъ цѣли, вскрываетъ главный нервъ историческаго бытія, вставляетъ исторію въ желѣзныя рамки теоріи, тогда профессора исторіи приходятъ въ ужасъ. Они качаютъ своими париками, они подымаютъ осыпавшіеся цвѣты исторіи: «ахъ, Боже мой, онъ не объяснилъ носа Клеопатры и разстройства желудка Наполеона! Онъ потерялъ ихъ! Онъ потерялъ цвѣтущее индивидуальное! Охъ, ахъ! онъ искалѣчилъ нашу исторію, нашу безформенную, тѣстоподобную, необъяснимую исторію!» Глупые, они не видятъ, что исторія, скованная въ желѣзную броню теоретической мысли стала божестенной дѣвой, валкиріей, Брунегильдой, взяла въ свои древнія руки новый стягъ и повела людей въ туманъ будущаго, указуя имъ пути. И въ этомъ смыслѣ очень близокъ къ истинѣ былъ тотъ же самый Ницше, когда писалъ:

> «Чѣмъ глубже природа человѣка, тѣмъ могущественнѣй овладѣваетъ онъ прошлымъ, растворяя его въ себѣ. Если мы представимъ себѣ самаго могущественнаго и свободнаго человѣка, то для него совсѣмъ не будетъ существовать той черты, за которой знаніе исторіи обращалось бы въ подавляющую и губительную силу. Онъ воспринимаетъ въ себя все прошлое, свое и чужое, и поглощаетъ его, претворяя въ плоть и кровь.

Такой человѣкъ умѣетъ забывать то, что ему не удается покорить себѣ, оно больше не существуетъ для него, его горизонтъ—замкнутъ со всѣхъ сторонъ, его міръ цѣленъ».

Когда король Гаконъ у Ибсена говоритъ о соединеніи всей Норвегіи во едино, пасынокъ Божій Скулэ возражаетъ: «сага не говоритъ ни о чемъ подобномъ». То же говоритъ русскому организованному пролетаріату пасынокъ исторіи г. Милюковъ. Сага не говоритъ ему ничего о новыхъ перспективахъ. Онъ крѣпко вѣритъ въ законы исторіи, а это для него законы прошлаго. Я не собираюсь здѣсь критиковать во всемъ объемѣ буржуазно-эклектическую «теорію исторіи» г. Милюкова, но на нѣкоторыхъ сторонахъ ея необходимо остановиться.

Г. Милюковъ твердо вѣритъ въ закономѣрность историческаго процесса, онъ въ этомъ отношеніи фаталистъ. Но воззрѣнія его на этотъ счетъ до крайности эклектичны и безформенны.. Указавъ на значеніе роста народонаселенія (что м. пр. безконечно уже явленія развитія производительныхъ силъ), г. Милюковъ продолжаетъ.

«Мы нисколько не склонны, разумѣется, считать только что объясненный процессъ единственнымъ простымъ и элементарнымъ процессомъ исторіи. Если бы психологія выработала ученіе объ эво-

люціи психическаго склада, мы увѣрены, что это ученіе могло бы служить совершенно такой же опорой для соціологической дедукціи, какъ только что приведенные факторы. Даже и въ настоящее время, поскольку выясняется преобладаніе двигательныхъ (моторныхъ) элементовъ въ началѣ психическаго развитія, аффективныхъ и интеллектуальныхъ (чувствованій и мысли) въ его дальнѣйшемъ ходѣ, — возможно было бы, какъ намъ кажется, обосновать на этой психической эволюціи индивидуума — историческую психологію рода».

Итакъ, закономѣрность исторіи такова, что ее можно дедуктивно выводить не то изъ законовъ народонаселенія, независимыхъ, по Милюкову, отъ экономическихъ, не то изъ законовъ «психической эволюціи индивида». Хочешь—такъ, хочешь—эдакъ. А лучше и такъ и эдакъ. И факторовъ, навѣрное, еще больше, чѣмъ два. Ужъ тутъ ясно, что историческій прогнозъ, пресловутая дедукція есть нѣчто невозможное, ибо, что получится отъ совмѣстнаго дѣйствія этихъ факторовъ, ничего существенно общаго между собою не имѣющихъ, едва ли знаетъ даже Аллахъ. Вѣдь индивидъ психически эволюціонизируетъ не въ безвоздушномъ пространствѣ, а подъ давленіемъ только что выставленныхъ нашимъ

историкомъ «элементарныхъ факторовъ, непосредственно объясняющихъ процессъ размноженія населенія и потребность питанія». Но и тѣ въ свою очередь дѣйствуютъ черезъ посредство своими путями эволюціонизирующаго индивида! Тутъ самъ чортъ ногу сломитъ. Это не только не уяснитъ намъ исторіи, но затемнитъ ее, какъ и всякая теорія самостоятельныхъ факторовъ. Но г. Милюковъ совершенно послѣдовательно приводитъ дальнѣйшее ограниченіе своей «дедукціи»: «Чтобы перейти изъ возможности въ дѣйствительность, эта тенденція должна преломиться въ призмѣ реальныхъ условій исторической жизни. Подъ вліяніемъ данныхъ географическихъ, климатическихъ, почвенныхъ основное направленіе исторической жизни можетъ видоизмѣняться».

Если это ограниченіе правильно (хотя на высшихъ стадіяхъ развитія, напримѣръ, на стадіи капитализма вліяніе самобытности, порожденной географическими условіями, блѣднѣетъ почти совершенно), то что сказать еще и о такихъ «факторахъ» въ соціалистическомъ изслѣдованіи, которые окончательно уничтожаютъ общій и главный соціологическій потокъ событій, и безъ того столь неопредѣленный у г. Милюкова.

«Мы могли бы сказать, что насморкъ могъ не имѣть вліянія на Наполеона, а красота Клеопатры — на поведеніе Антонія, и что, вообще,

одной психологіей историческихъ дѣятелей нельзя объяснять сложныхъ соціальныхъ явленій. Другими словами, мы признали бы причину, но ограничили бы кругъ ея дѣйствія. Значило ли бы это, что мы имѣемъ право скинуть вовсе со счетовъ ничтожную по своему вліянію причину? Конечно, нѣтъ, такъ какъ мы должны были бы, во всякомъ случаѣ, признать, что если не общій смыслъ, то, по крайней мѣрѣ, индивидуальная физіономія даннаго явленія могла бы измѣниться, если бы не названныя причины; и, что, вообще, тѣ или другія причины подобнаго рода должны всегда быть на лицо, чтобы явленіе могло существовать и имѣть индивидуальную физіономію. Итакъ, для полнаго объясненія данныхъ событій, утвержденія одной имперіи и паденія другой, — для объясненія ихъ, какъ они были въ дѣйствительности а не какъ могли быть, и приведенныя причины должны быть приняты во вниманіе. Но является дальнѣйшій вопросъ. Полное объясненіе данныхъ конкректныхъ фактовъ нужно историку, но нужно ли оно соціологу? Имѣя въ виду открытіе законовъ и пользуясь конкретными данными только, какъ матеріаломъ, не долженъ ли соціологъ просто оставить въ сторонѣ всѣ факторы, придающіе

событію индивидуальную физіономію? Конечно, объясненіе индивидуальной физіономіи даннаго факта не можетъ быть дѣломъ абстрактной науки, какова соціологія. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы не входило въ ея область изученіе тѣхъ сочетаній причинъ, въ силу которыхъ соціологическій фактъ пріобрѣтаетъ индивидуальную физіономію. Поскольку психологія правителя можетъ быть признана одною изъ такихъ причинъ, постольку и соціологія должна удѣлить ей вниманіе, и поскольку носъ Клеопатры можетъ намъ уяснить психологію правителя, постольку соціологія можетъ оказаться вынужденной заниматься и носомъ Клеопатры».

Итакъ, историкъ, даже соціологъ, не можетъ обойти носа Клеопатры. По своему г. Милюковъ правъ. Въ соціологію можно валить все, что угодно, подъ другимъ соусомъ преподносить въ качествѣ соціологическихъ этюдовъ даже историческій романъ, но вѣдь есть же наука, стремящаяся уловить самые общіе законы развитія, вѣрнѣе, общую тенденцію развитія для данной эпохи, которая можетъ колебаться, дробиться, играть исторической волной, но неуклонно направляется къ опредѣленнымъ результатамъ. Вотъ такой науки нѣтъ для г-на Милюкова.

Разбираясь между матеріалистами и идеалистами въ соціологіи, г. Милюковъ пришелъ къ выводу, что матеріалисты преслѣдуютъ цѣль—познать исторію, цѣль чисто теоретическую, а идеалисты присоединяютъ сюда представленіе о цѣли, въ нихъ говоритъ практическая жилка. Г. Милюковъ говоритъ объ этомъ:

«Отдавая преимущество исключительно матеріальнымъ, или исключительно духовнымъ явленіямъ культуры, стараясь свести одни изъ этихъ явленій къ другимъ, споряіція стороны, большею частью, руководились задними мыслями, которыя и давали тонъ всей полемикѣ. Центръ тяжести спора заключался, въ сущности, не столько въ пререканіяхъ по поводу содержанія культурной исторіи, сколько въ разногласіяхъ по поводу цѣли и способовъ историческаго изученія. На этой почвѣ столкнулись уже не различныя научныя гипотезы, болѣе или менѣе вѣроятныя, а различныя міровоззрѣнія, совершенно не примиримыя другъ съ другомъ. И самыя гипотезы духовной или матеріальной основы исторіи являлись только послѣдовательнымъ приложеніемъ этихъ міровоззрѣній къ объясненію историческихъ явленій.

Первый, ставя свой вопросъ «почему»,—стремится къ уясненію закономѣрности истори-

ческаго процесса. Второй, съ своимъ вопросомъ «зачѣмъ»,—старается достигнуть его цѣлесообразности».

И далѣе.

«Гдѣ первый ограничится спокойнымъ наблюденіемъ фактовъ и удовлетворится открытіемъ ихъ внутренняго отношенія,—тамъ второй постарается вмѣшаться въ ходъ событій и установить между ними то отношеніе, какое ему желательно. Однимъ словомъ, первый поставитъ своею цѣлью изученіе, второй—творчество; одинъ откроетъ законы исторической науки, а другой установитъ правила политическаго искусства».

Довольно странно читать подобныя строки у профессора исторіи. Не можетъ же онъ не знать, что существуетъ соціалдемократія, безконечно практически относящаяся къ изученію исторіи и именно потому придерживающаяся матеріалистическаго направленія и даже создавшая его въ исторіи.

Впрочемъ, г. Милюковъ считаетъ принципъ цѣлесообразности, вносимый идеалистами въ исторію, лишь незаконнымъ дѣтищемъ ихъ практичности. Онъ готовъ допустить, что и матеріалистъ питаетъ практическій интересъ къ исторіи, хотя этимъ признаніемъ онъ разрушаетъ свое объясненіе «спора». Онъ говоритъ,

«Искусство нуждается въ наукѣ: въ данномъ случаѣ, политическое искусство нуждается въ законахъ соціальной науки, безъ знанія которыхъ не могутъ быть установлены его правила».

Но пр. Милюковъ стоитъ за столь полное ихъ размежеваніе, чтобы не осталось мѣста для того научнаго анализа, который даетъ научный прогнозъ всемірно-историческаго значенія. Между громоздкой соціологіей Милюковскаго типа, т. е. грудой разнокалиберныхъ обобщеній, кучей хлама историческаго опыта,—и практикой у Милюкова не остается мѣста для истинной «философіи исторіи», уясняющей ея смыслъ для насъ.

О философіи исторіи г. Милюковъ говоритъ только, какъ объ идеалистической и очень презрительно: «Философія исторіи это тотъ котелъ, въ которомъ всевозможные обрѣзки человѣческаго духа превращаются въ безформенное тѣсто, готовое принять въ умѣлыхъ рукахъ любой видъ».

Энгельсъ также говорилъ, что система Маркса нанесла философіи ударъ въ области исторіи. И не за слова «философія исторіи» станемъ мы держаться. Дѣло не въ словѣ, а въ понятіи. Г. Милюковъ валитъ въ соціологію, какъ въ мусорную яму, все, что угодно. Законы соціологіи это даже, напримѣръ, законъ вліянія

женскихъ носовъ «на душу правителя». И вотъ изъ этихъ законовъ, изъ этихъ обобщеній должны быть выведены правила политическаго искусства. Внѣ незыблемыхъ законовъ, основанныхъ на обобщеніяхъ исторической требухи остается для насъ лишь пестрая ткань, хотя и именуемая «основной соціологической тенденціей», но въ свою очередь сочетающаяся изъ эволюціи индивидуальной психологіи, законовъ населенія и многаго другого, любого.

Для насъ же прежде всего и выше всего существуетъ анализъ опредѣляющихъ собою всю общественную эволюцію хозяйственныхъ тенденцій, съ совершенной опредѣленностью указующій на тѣ формы, которыя неизбѣжно должно принять общество. Мы не выводимъ правила политическаго искусства изъ безчисленныхъ «законовъ» Милюковской соціологіи, но приспособляемъ нашу активность къ общему потоку вещей и людей, осуществляющихъ новый строй. У г. Милюкова запутанный узоръ частныхъ правилъ, исключеній и исключеній изъ исключеній, у соціалдемократіи совершенно точное познаніе путей и цѣлей, добытое путемъ абстрактно аналитической обработки главнѣйшихъ сторонъ историческаго опыта.

Но намъ важно отмѣтить не только неопредѣленность соціологической мысли г. Милюкова. Конечно, эти правила и законы о носахъ и насморкахъ могутъ запутать даже

великана нитками лилипутовъ, но важно еще и то, что кромѣ отсутствія пониманія историческаго монизма, какъ колоссальнаго практическаго оружія, какъ огромнаго маяка, посылающаго въ далекое будущее водопады свѣта, у г. Милюкова совершенно отсутствуетъ и теорія классовой борьбы.

Соціалдемократія не разсматриваетъ исторію съ точки зрѣнія цѣлесообразности, когда она аналазируетъ дѣйствительность. Но эту дѣйствительность она воспринимаетъ прежде всего, какъ борьбу, и притомъ борьбу опредѣленныхъ величинъ—экономическихъ классовъ. Законы развитія, тенденція капиталистическаго общества къ соціализму констатируются не какъ фатумъ, а какъ неизбѣжный результатъ созрѣванія техники съ одной стороны и роста силъ опредѣленнаго класса, именно, пролетаріата—съ другой. Пока я изслѣдую, какъ соціологъ — цѣлесообразность не существуетъ для меня. Когда я становлюсь на классовую точку зрѣнія—она вновь передо мною возникаетъ, возникаетъ органически, не какъ придатокъ: ибо классъ, его цѣль, его средства—все это несомнѣнные, самые яркіе пункты и полосы дѣйствительности, подлежащей изслѣдованію: и изъ соединенія совершенно объективнаго и безстрастнаго діагноза соціальныхъ явленій и яркаго классового чувства созидается та новая пролетарская философія исто-

ріи, которую не понимаетъ, которую замалчиваетъ г. Милюковъ. Съ этой живой точки зрѣнія «законы» не представляются чѣмъ-то чуждымъ и непреклоннымъ и разъ навсегда даннымъ, пролетаріатъ самъ та стихія, которая отмѣняетъ одни изъ нихъ и создаетъ другіе. Пролетаріатъ не единственный субъектъ исторіи, не творецъ ея, но могущественнѣйшій и сознательнѣйшій изъ ея творцовъ: ему чуждо рабство передъ «сагой», онъ ищетъ новыхъ путей. Но г. Милюковъ знаетъ лишь то, что говоритъ сага. Творчество совершенно чуждо буржуазному профессору исторіи, онъ безнадежно трезвъ. Его цѣль, какъ кажется ему, давно измѣрена, взвѣшена и исторически застрахована, только не надо рисковать, и онъ посмѣивается надъ иллюзіями пролетаріата, какъ посмѣивалась бужуазія надъ этими иллюзіями въ іюньскіе дни 1848 года и въ эпоху паденія Коммуны. А между тѣмъ эти великія пораженія были этапами къ великимъ побѣдамъ. Да, положеніе творца исторіи, считающагося съ ея законами, но продолжающаго ткать ткань жизни, какъ с и л а, а не раболѣпствующаго передъ слѣпою силой прошлаго, положеніе того, который не только перечисляетъ своихъ историческихъ предковъ, но и самъ хочетъ быть предкомъ, не слѣдуетъ лишь традиціи, но самъ ее создаетъ, положеніе его—рискованное положеніе. Рискованнѣе положенія тѣхъ,

кто учитываетъ и урѣзываетъ свою смѣлость. Этихъ не ждутъ великія пораженія, но и великихъ побѣдъ они никогда не будутъ знать.

Посмотримъ на конкретныхъ примѣрахъ, къ какимъ выводамъ относительно задачъ русской революціи пришелъ г. Милюковъ, руководясь **своей** соціологіей.

Г. Милюковъ оказался вождемъ кадетовъ. Онъ очутился во главѣ этой прогрессивно-буржуазной партіи, именно какъ ученый. Вся бѣда въ томъ, что та наука, которая «совершенно объективно» привела его къ кадетству, сама во всей своей объективности — буржуазна. Буржуазна эта расплывчатая объективность, ищущая и находящая законы повсюду и отметающая богатѣйшій результатами методъ за узость, — буржуазный духъ создаетъ въ своихъ ученыхъ эту историческую «честность», благодаря которой они бродятъ въ лѣсу частыхъ обобщеній и не имѣютъ общаго представленія о сущности совершающагося на нашихъ глазахъ величественнаго процесса. Буржуазенъ взглядъ на исторію, какъ на закономѣрный, фатальный процессъ, въ которомъ будетъ лишь то, что было, въ которомъ нѣтъ вновь растущей сознательной силы, нѣтъ новаго коллективнаго историческаго субъекта, познаніемъ ищущаго воцариться надъ исторіей. Мудрено ли, что буржуазная наука легко, какъ во снѣ, безъ малѣйшаго усилія увлекла своего

служителя на путь буржуазной политики. Г. профессоръ Геррье, я увѣренъ, тоже искренно вѣритъ, что его пошлыя письма продиктованы мудрой музой исторіи съ ея чистымъ и покойнымъ челомъ. Буржуазный историческій позитивизмъ г. Милюкова выразился цѣликомъ и въ его «философіи революціи», которая является ключемъ къ пониманію позиціи этого не за страхъ, а за совѣсть слуги «третьяго сословія».

Г. Милюковъ крѣпко вѣритъ въ одинъ изъ «законовъ», вродѣ закона о вліяніи носовъ на души правителей, въ незыблемый законъ, что всякая «стихійная революція находитъ свой исходъ въ военной диктатурѣ». (См. Рѣчь № 90, конецъ весьма поучительнаго отвѣта г. Милюкова трудовику Жилкину). Законъ этотъ выведенъ совершенно индуктивно изъ примѣровъ великой англійской и великой французской революцій. Никакого анализа русскихъ и особенно международныхъ условій нашей революціи г. Милюковъ нигдѣ, насколько намъ извѣстно, не далъ. Но историческая аргументація у него, конечно, имѣется обильная. Произвести «стихійную революцію» и закрѣпить демократическую республику союзомъ съ революціонными элементами запада, развить національную революцію во всеевропейскую? Объ этомъ ничего не говоритъ сага, а потому это пустыя иллюзіи. Нѣтъ, надо бояться бурной и побѣдоносной рево-

люціи, страшиться побѣдить, за побѣдой идетъ военная диктатура. Такъ то исторія въ ея примитивномъ «законодательствѣ» общипываетъ крылья историку, оставляетъ ему лишь куриные остатки ихъ для полетовъ съ насѣста на насѣстъ. И когда въ своей любопытной полемикѣ съ чертоплясомъ Меньшиковымъ г. Милюковъ говоритъ: Я не оптимистъ, я думаю, что при бездарномъ правительствѣ мы имѣемъ безсильную революцію,—онъ говоритъ не настоящую правду, онъ долженъ бы сказать: «я оптимистъ, слава Богу, и правительство у насъ бездарно, и революція безсильна». Ибо только при безсиліи стихійной революціи, при тщетности «якобинской агитаціи» осуществимъ трезвенной планъ г. Милюкова: сразу завоевать то именно, къ чему окольнымъ путемъ неизбѣжно, по его мнѣнію, придетъ революція. Да: буржуазный порядокъ подъ высокой рукой конституціоннаго монарха, это отмѣрила намъ Мойра, и г. Милюковъ заявляетъ:

> «Мы съ г. Жилкинымъ можемъ быть разбиты и сметены, но «теченіе жизни» вступитъ въ свои права, и въ конечномъ итогѣ, путемъ новыхъ тяжелыхъ жертвъ, приведетъ къ тому самому, къ чему мы стремимся прямо привести страну, практикуя, по мѣрѣ силъ и умѣнья, ту дозу политическаго искусства, какой мы обладаемъ».

Доза политическаго искусства прилагается къ тому, чтобы не дать революціи размахнуться. Буржуазія не хочетъ этого, боясь за свои худобишки и животишки, а г. Милюковъ потому, что онъ провидящая бѣды Кассандра, потому, что прошлое, «сага» служитъ для него ручательствомъ, что крутись, какъ хочешь, а въ результатѣ больше куцой конституціи ничего не будетъ, лучше же сразу помириться на маломъ.

Трогательное совпаденіе. И съ паѳосомъ искренняго ученаго г. Милюковъ поетъ:

Ахъ, да пускай свѣтъ осуждаетъ,
Ахъ, да пускай клянетъ молва!

Подумайте только:

«Пусть на современномъ революціонномъ жаргонѣ наша цѣль называется стремленіемъ къ политической побѣдѣ «буржуазіи»; пусть самоограниченіе ближайшими задачами называется классическимъ «предательствомъ» буржуазіи; пусть борьба противъ революціоннаго бланкизма и «активныхъ выступленій» называется организаціей «контръ-революціи» и т. д. Мы сами очень хорошо знаемъ, что «буржуазія»—это— 90% населенія Россіи; что «измѣна» и «предательство» есть терминологія утопистовъ, нѣ признающихъ законовъ исторіи; что «активныя выступленія» демонстрируютъ не силу,

а безсилье; что истинная контръ-революція создается именно «активными выступленіями» и предупреждается всѣмъ, что ихъ предупреждаетъ. Но не будемъ спорить; примемъ политическій жаргонъ нашихъ противниковъ и напомнимъ имъ, что политическая побѣда буржуазіи, по ихъ собственному ученію, есть все, чего можно добиться въ настоящій моментъ».

Видите, какъ горячо и убѣдительно.

Да, грядетъ торжество буржуазіи. А это значитъ торжество народа, ибо въ Россіи буржуазія составляетъ 90% населенія! Да, дорогой профессоръ,—но есть фаготы и фаготы! Конституціонная монархія, двѣ палаты, огромные выкупные платежи въ пользу крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, постоянная армія—это торжество буржуазіи. И притомъ довольно прочное. И притомъ же и это еще съ запросомъ! Но вѣдь и демократическая республика, полномочная единая народная палата, конфискація земель въ пользу крестьянъ, милиція, контроль народа подъ чиновниками—это тоже торжество буржуазіи. Только гораздо менѣе прочное. И не совсѣмъ тѣхъ самыхъ «процентовъ» населенія. Первое есть станція, и въ идеалѣ (для буржуа) поворотъ къ солидарности и примиренію господъ и рабовъ, эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ; второе есть толчекъ къ даль-

нѣйшей борьбѣ, короткій этапъ по направленію къ соціализму.

Измѣна и предательство—терминологія утопистовъ, не признающихъ законовъ исторіи.

Поистинѣ великолѣпно сказано! Если буржуазія, пріобрѣтя права кровью пролетаріата, изъ трусости передъ нимъ выпускаетъ ихъ изъ рукъ, ведетъ торгъ съ его и своими врагами, если она половинчата, переметчива, паче огня боится прямого столкновенія, ибо въ немъ познаетъ себя и силу свою эксплуатируемый народъ, то... то ей остается пѣть только:

Не моя
Въ томъ вина!
Наша жизнь
Вся сполна
Намъ судьбой суждена!

Ахъ этотъ либреттистъ Оффенбаха, онъ лучше Маркса понималъ «законы исторіи».

Активное выступленіе свидѣтельствуетъ о слабости! Чудесно! Октябрьская забастовка, напримѣръ? Мартовскіе дни въ Берлинѣ? Февральскіе въ Парижѣ? Взятіе Бастиліи? Битва при Нэсби?

Полно, равви, смѣшить людей! И до чего же великъ долженъ быть историческій страхъ передъ творческимъ вмѣшательствомъ народа, чтобы договориться до

такихъ пустяковъ! Недаромъ князь Андронниковъ, по отчету Рѣчи, защищая на судѣ г. Струве, вышалилъ крылатую фразу:

«Струве всю свою литературную и общественную дѣятельность посвятилъ на борьбу со стремленіемъ къ соціальной революціи путемъ вооруженнаго вмѣшательства пролетаріата въ исторію».

И приблизительно изъ тѣхъ же побужденій.

И вотъ г. Милюковъ отказывается отъ совѣта Жилкина: «постепенно и энергично организовать народныя массы». Онъ не сталъ бы этого дѣлать, если бы даже могъ.

«Организовать же революцію въ странѣ мы считаемъ невозможнымъ, и всѣ попытки въ этомъ направленіи крайне опасными для достиженія тѣхъ результатовъ, къ которымъ мы одинаково стремимся».

Насчетъ результатовъ, къ которымъ «мы» стремимся—остаемся при нѣкоторомъ сомнѣніи, но фактъ, яркій фактъ на лицо:

Г. Милюковъ не сталъ бы организовать народную силу противъ организованной уже силы правительства, если бы и могъ. Совѣсть историка не допускаетъ его до этого.

«Съ такой политикой, положеніе дѣйствительно и окончательно становится безвыходнымъ; ибо это

есть политика стихійной революціи, находящей свой исходъ въ военной диктатурѣ».

И въ томъ же великодушномъ тоиѣ ученаго, «сына солнца», г. Милюковъ продолжаетъ:

«Когда я говорю о «невѣсомыхъ» результатахъ думской дѣятельности, я прежде всего разумѣю «сочувствіе» и моральную «поддержку» того огромнаго большинства населенія, которое обыкновенно въ активной борьбѣ прямого участія не принимаетъ. Когда я говорю о главномъ «руслѣ» и объ «общемъ теченіи» жизни, я имѣю въ виду, прежде всего, интересы и потребности именно этой главной массы населенія, заинтересованной не столько въ процессѣ политическаго броженія, сколько въ его осязательныхъ результатахъ».

Такъ-съ.

Я не знаю, Милюковъ ли писалъ передовицу въ № 82 Рѣчи. но эта передовица безъ подписи, слѣдовательно за отвѣтственностью редактора. И тутъ и тамъ готъ же тэзисъ. Не желаемъ организовывать народныя силы! Но уже не только потому, что это «опасно». Въ передовицѣ этой говорится.

«При нашемъ пониманіи, мѣстныя комиссіи должны служить, конечно, ближайшимъ цѣлямъ реформы, а не цѣлямъ организаціи страны для фан-

тастическаго революціоннаго удара. Организовать страну, ея силы, ея общественное мнѣніе, мы, разумѣется, тоже считаемъ необходимымъ; но наиболѣе успѣшной и цѣлесообразной такую организацію мы будемъ считать тогда, если удастся организовать ее около законнаго народнаго представительства. Наши силы мы, во всякомъ случаѣ, не будемъ тратить на безплодныя попытки: какъ ни непрочна на первыхъ порахъ ткань конституціоннаго правосознанія,—эту ткань мы хотимъ укрѣплять, а не возвращаться вспять къ стихійной силѣ «Ахерона».

Почему же?

«Мы постараемся, насколько отъ насъ будутъ зависѣть, сохранить за комитетами по земельнымъ дѣламъ ихъ служебный и спеціально-дѣловой характеръ. Мы полагаемъ, по той же причинѣ, что составить эти комитеты путемъ всеобщаго голосованія—значило бы готовить ихъ не для мирнаго разрѣшенія на мѣстахъ земельнаго вопроса, а для чего-то совершенно другого. Руководство общимъ направленіемъ реформы должно быть оставлено въ рукахъ государства: поэтому, представители государственной власти должны имѣть въ мѣстныхъ комиссіяхъ своё мѣсто, если не съ цѣлью

рѣшать, то, по крайней мѣрѣ, съ цѣлью контролировать рѣшеніе мѣстной инстанціи. Затѣмъ,— опять таки въ предѣлахъ общихъ основаній реформы—въ мѣстныхъ комиссіяхъ должны быть представлены, по возможности равномѣрно, тѣ сталкивающіеся интересы сторонъ, которые могутъ быть примирены безъ нарушенія государственнаго значенія предпринимаемой реформы и безъ обращенія ея въ актъ односторонняго насилія, могущаго закончиться полной неудачей всего дѣла».

Тутъ ужъ опасность неудачи — дѣло второстепенное, а главное, не допустить акта «односторонняго насилія», огромнаго большинства, обнищалаго большинства населенія надъ кучкой эксплуататоровъ—помѣщиковъ. И чтобы «насилія» никакого не было—извольте вамъ: комитетъ, составленный пополамъ изъ помѣщиковъ и и крестьянъ, а для контроля представитель государственной власти, т. е, чиновникъ конституціоннаго монарха, не такъ ли? Богатые и бѣдные на равныхъ правахъ и бюрократъ для контроля. Полно, неужели «всѣ мы» стремимся къ одному и тому же? Неужели здѣсь отстаиваются интересы «массы населенія», заинтересованной въ осязательныхъ результатахъ?»

Не ясно ли, что путь законности ведетъ тутъ немножко къ другой цѣли, чѣмъ путь «Ахерона?»

Итакъ, не только изъ историческихъ, но и изъ этическихъ предпосылокъ (чтобы не было насилія) исходитъ г. Милюковъ. И исторія и этика его буржуазны, но опираясь на ихъ воображаемую объективность—онъ выступаетъ важной поступью ученаго, снизшедшаго въ міръ съ снѣговыхъ высотъ безстрастной истинной науки и собесѣдника олимпійцевъ, онъ вѣщаетъ—«мы не станемъ помогать организаціи революціи, если бы даже могли».

По мнѣнію г. Милюкова, стихійная революція не только вредна, она и невозможна. Въ передовицѣ № 87 многогранная «Рѣчь» опять съ новой точки зрѣнія разбираетъ все тотъ же вопросъ—о содѣйствіи революціи въ дѣлѣ ея самоорганизаціи.

> «О соотношеніи силъ нужно думать, когда предлагаются проекты; нельзя ограничиться утвержденіемъ о томъ, что массы окажутъ активную поддержку, надо проанализировать, въ какой формѣ и въ какой мѣрѣ эта активная поддержка должна и можетъ вылиться.
>
> Съ этимъ же критеріемъ слѣдуетъ подойти къ плану, столь настоятельно рекомендуемому думѣ, къ плану образованія «явочнымъ порядкомъ» мѣстныхъ комитетовъ на основахъ четырехчленной формулы.

Допустимъ, дума декретируетъ учрежденіе подобныхъ комитетовъ. Кто приведетъ въ исполненіе это рѣшеніе думы? Не правительственные же органы и, вѣроятно, не органы теперешняго самоуправленія... Какъ будетъ дѣйствовать дума? Создавать новые органы самоуправленія?»

Тутъ выходитъ, что мы, пожалуй—рады въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Произойдутъ столкновенія, въ которыхъ народъ окажется слабѣйшей стороной. Но, равви, если народъ при всѣхъ условіяхъ въ своей самодѣятельности долженъ оказаться страдательной стороной, скажи мнѣ, на какія силы расчитываешь ты, грозя правительству, торгуясь съ нимъ? Не кажется ли тебѣ, равви, что, разоблачая твое невѣріе не только въ наличныя силы народнаго напора, но и въ возможность для нихъ вырости въ побѣдоносную волну—ты роешь себѣ могилу? Не кажется ли тебѣ, что тебя столкнетъ въ нее твой врагъ? Когда трудовики грозятъ и вѣрятъ въ народный гнѣвъ и мощь его и зовутъ къ скорѣйшей, энергичнѣйшей организаціи массъ—екаетъ сердце господъ министровъ. «Чѣмъ не шутитъ чортъ, а при повсемѣстномъ движеніи, будетъ ли стрѣлять ружье и рубить сабля?» Но когда раздается мудрая рѣчь кадетской «Рѣчи» — они успокаиваются.

Еврей Ицикъ всегда возилъ съ собою револьверъ.

«Ицикъ, зачѣмъ ты возишь съ собою револьверъ?» —«Э, то пугать разбойниковъ?»—«Да вѣдь онъ у тебя не заряженъ?» — «Пхе! заряженнаго револьвера я и самъ боюсь!» И Ицики изъ «Рѣчи» говорятъ это открыто передъ врагомъ. «А, мой другъ кадетъ, говоритъ Столыпинъ, ты признаешься, что револьверъ твой не заряженъ, и что ты боишься его зарядить? — Такъ за горло же тебя, другъ! Отмахивайся ка «платочкомъ» изъ легкой конституціонной ткани».

Милюковъ и кадеты увѣряли, что революція недостаточно сильна—поэтому, не стоитъ ее усиливать, они болтали о нравственной поддержкѣ огромнаго большинства, они хотѣли надуть правительство въ тепломъ туманѣ коституціонной этики, а правительство поняло, что Дума не создастъ противъ него ничего твердаго, и ударило ей въ лицо!

На что въ самомъ дѣлѣ разсчитывалъ г. Милюковъ? На какія силы? Отчасти и на революцію. Не на побѣду ея, а просто на нее же, какъ совокупность реальныхъ или потенціальныхъ «непріятностей» для правительства. Революція безпокоитъ, нервитъ, пугаетъ правительство, а кадеты обѣщаютъ унять бурю на морѣ. Правительство колеблется, не значитъ ли это изгонять черта именемъ Вельзевула? Но вѣдь нѣтъ же! Это именно

изгнаніе Вельзевула силой довольно добродушнаго въ общемъ кадетскаго чортика.

Но больше еще, чѣмъ на непріятности революціи разсчитываетъ и разсчитывалъ г. Милюковъ на финансовыя затрудненія правительства и поддержку Европы, въ первую голову Клемансо. И по сію пору съ величайшимъ вниманіемъ и тревогой слѣдятъ за движеніями рукъ французскаго фокусника наши кадеты.

«Объективныя» данныя, разсмотрѣнныя г. Милюковымъ сквозь буржуазные очки, привели его къ буржуазной позиціи въ русской революціи. А партіи Торгово-Промышлениковъ, Правового Порядка, Союзъ 17-го октября? Вѣдь вотъ настоящія позиціи буржуазіи?

Да, это позиціи буржуазіи жадной, наглой и глупой. На этихъ позиціяхъ рано или поздно, и скорѣе рано, чѣмъ поздно, ждетъ буржуазію полное пораженіе. Кадеты занимаютъ самоновѣйшіе окопы, заранѣе подготовленную позицію европейской буржуазіи, позицію Клемансо, позицію соціальнаго мира. Самая хитрая и самая опасная для пролетаріата буржуазія та, которая идетъ подъ розовымъ знаменемъ всеобщей соціальной гармоніи и государственнаго попечительства. Кадеты самые умные изъ русскихъ буржуа. Они могутъ быть временно разбиты, союзъ алчныхъ, наглыхъ и глупыхъ изъ лагеря буржуазіи и бюрократіи можетъ временно восторже-

ствовать, но придетъ время, и онъ подчинится полудиктатурѣ россійскихъ Клемансо.

Время третьяго съѣзда партіи Народной Свободы г. Милюковъ справедливо назвалъ «судьбоносной минутой». Кадеты подъ дирижерствомъ г. профессора разрѣшили стоявшій передъ ними вопросъ самымъ неудачнымъ и въ то же время самымъ естественнымъ для нихъ образомъ. Уже послѣ второго съѣзда г. Милюковъ писалъ:

> «Элементы, стоявшіе справа и частію очень близко къ намъ примыкавшіе въ моментъ, когда совершался разрывъ, очень скоро послѣ того были далеко отброшены назадъ подъ вліяніемъ «буржуазнаго страха» передъ грозными событіями конца 1905 года. Элементы болѣе лѣвые горькимъ опытомъ должны были убѣдиться въ ошибочности тѣхъ иллюзій, которыхъ мы не хотѣли раздѣлять съ ними. Между реакціоннымъ настроеніемъ однихъ и якобинской тактикой другихъ, занятое нами политическое положеніе оказалось наиболѣе правильнымъ, и тяжелыя испытанія жизни только помогли провести наше дѣло въ общее сознаніе широкихъ круговъ общества.

Въ лицѣ делегатовъ II съѣзда вся партія «нашла самое себя», почувствовала въ себѣ наличность коллективной мысли и коллективной воли и съ этого

момента «самопознанія» начала жить своей особенной жизнью, стала сама собой».

Рѣшились не считаться, держаться самостоятельно— окончательно возобладало то, что идеалистъ и метафизикъ Струве съ восхищеніемъ назвалъ «дѣловой струей».

Въ неподписанной статьѣ № 55 Рѣчи «Открытіе съѣзда» г. Милюковъ (впрочемъ можетъ быть и его alter ego Гессенъ) писалъ:

«Страна посылаетъ своихъ представителей въ Думу для того, чтобы добыть себѣ «хорошую жизнь».

Она ждетъ отъ Думы созидательной и творческой работы, — осуществленія той политической и аграрной реформы, безъ которой невозможно умиротвореніе страны, созданія народнаго представительства на истинно-демократическихъ началахъ.

Страна не боится конфликтовъ между правительствомъ и Думой; стихійнымъ взрывомъ негодованія она отвѣтитъ на безумную попытку правительства посягнуть на неприкосновенность Думы. Тотъ, кто посмѣетъ столкнуться съ народомъ,—будетъ низвергнутъ имъ въ бездну».

Какъ энергично и красиво. Вы угадываете, конечно, читатель, что мѣсто насчетъ бездны взято изъ рѣчи Тверского Мирабо! Но при всей столь великой рѣшимости и столь прочной (ой-ли!) увѣренности въ поддержкѣ

народа, кадеты отнюдь не хотѣли служить «Ахерону» и брали на себя все устроить. Не удивляйтесь, поэтому, если лѣвые кадеты (самый несчастный и безтолковый типъ безхарактернаго политика) ворчали. Авторъ той же статьи говоритъ:

«Были указанія на недостаточную категоричность и опредѣленность, на чрезмѣрно «парламентарный» характеръ доклада, на необходимость болѣе рѣшительнаго выступленія партіи въ Думѣ и на опасность куропаткинской тактики терпѣливыхъ отступленій».

Итакъ, ввиду полной увѣренности въ побѣдѣ избрана была Куропаткинская тактика. Г. Милюковъ собственноручно и за полною подписью разъяснилъ этотъ казусъ своему нѣсколько сконфуженному имъ «другу слѣва» г. Прокоповичу.

«С. Н. Прокоповичъ можетъ убѣдиться, что и въ самомъ докладѣ, и въ сопровождающихъ его тезисахъ основная мысль та, что конфликта бояться и избѣгать во что бы то ни стало не слѣдуетъ, что стремиться къ достиженію цѣлей партіи въ Думѣ надо, «не останавливаясь даже передъ возможностью разрыва съ правительствомъ» (съѣздъ зачеркнулъ тутъ только «даже» и прибавилъ: «открытаго» разрыва), и что Дума должна только при-

пять всѣ мѣры, чтобы возникновеніе конфликта не было приписано ей, а легло бы всецѣло на отвѣтственности правительства, и чтобы конфликтъ произошелъ не по случайному, а по существенному поводу».

Сколько было крику объ отдачѣ подъ судъ правительства, объ открытомъ и революціонномъ переходѣ къ немедленной выработкѣ демократической конституціи! И въ концѣ концовъ «не бояться даже (о это архикомическое даже) конфликта!» Идутъ, по крайней мѣрѣ, хвалятся, что идутъ на бой и при этомъ даже конфликта не страшатся!. Герои!

Но вѣдь въ томъ то и сила, смакъ, смыслъ кадетской партіи, что она должна быть привлекательной для массъ, будучи въ то же время возможно болѣе безопасной для привилегированныхъ и даже для правительства; маклерская, примиренческая, ликвидаторская партія не могла вступить ни на одинъ изъ путей, ведущихъ къ успѣху.

Она рѣзко и рѣшительно, какъ мы ужъ видѣли, отказалась организовать революцію, она громко дискредитировала ее, она не успѣла взять окончательно подъ свое начало «политически незрѣлыхъ» трудовиковъ и не сумѣла быть страшной для правительства. Да при-

помнитъ читатель рѣченное Марксомъ въ 1849 году о Франкфуртскомъ Собраніи.

«Все было легко, очень легко, въ той начальной стадіи. Но было бы черезчуръ много ожидать чего-либо такого отъ Собранія, большинство котораго состояло изъ либеральныхъ адвокатовъ и профессоровъ-доктринеровъ, отъ Собранія, которое хотя заявляло претензіи на воплощеніе собою цвѣта германскаго ума и германскаго знанія, но которое въ дѣйствительности было ничѣмъ инымъ, какъ театральными подмостками, на которыхъ старые, пережившіе себя политическіе характеры демонстрировали передъ глазами цѣлой Германіи свою невольную смѣхотворность и безсиліе своей мысли и дѣла. Это собраніе старыхъ бабъ съ перваго дня своего существованія больше проявляло страха передъ ничтожнѣйшимъ народнымъ движеніемъ, чѣмъ передъ всѣми реакціонными заговорами всѣхъ нѣмецкихъ правительствъ, вмѣстѣ взятыхъ.

«Это Собраніе къ началу революціи стало страшилищемъ всѣхъ германскихъ правительствъ. Они ждали отъ него вполнѣ диктаторскаго и революціоннаго выступленія, именно вслѣдствіе неопредѣленности, въ которой была оставлена его компе-

тенція. Правительства, поэтому, раскинули широкую сѣть интригъ, чтобы сузить вліяніе этого страшнаго учрежденія; но у нихъ было больше удачи, чѣмъ смысла, такъ какъ Собраніе устраивало дѣла правительствъ лучше, чѣмъ они могли бы сдѣлать это сами».

Но въ то же время репутація кадетовъ была бы уничтожена совершенно, если бы они показали непомѣрную уступчивость передъ правительствомъ, и они отъ времени до времени притворялись революціонерами и грозили ему своимъ незаряженнымъ револьверомъ. Они не вступили на путь революціи, не вступили и на путь, по которому теперь идетъ «Мирное обновленіе», и... проиграли игру. И не даромъ такъ сердится г. Милюковъ подъ уколами прокаженнаго пера нововременскаго хамелеона,—тотъ попалъ въ больное мѣсто.

Такъ уже создана та позиція, которую занялъ г. Милюковъ, что ему суждено было по отношенію къ народнымъ массамъ играть роль христопродавца, а по отношенію къ правительству ломить несообразную цѣну.

Грустно звучатъ теперь слова г. Милюкова изъ его фельетона въ 54 № Рѣчи:

«Какъ въ заколдованномъ лѣсу народной сказки, справа и слѣва насъ манятъ соблазнами и пуга-

ютъ невѣдомыми страхами. Намъ нужно напрячь всѣ силы, сосредоточить все вниманіе, чтобы не сбиться съ пути, не заблудиться въ очарованномъ лѣсу, и донести свое завѣтное слово туда, гдѣ хранятся подъ спудомъ спящія силы народа. Это слово—то же, что завѣщалъ лейтенантъ Шмидтъ своему маленькому сыну: «всеобщее и прямое». Донесемъ его до цѣли—распадутся оковы, проснется спящій богатырь, и нашъ долгъ передъ народомъ будетъ исполненъ. Не донесемъ—вся вина ляжетъ на насъ: намъ скажутъ и будутъ повторять наши дѣти и внуки нашихъ внуковъ: вы это могли сдѣлать; все такъ сложилось, что кладъ самъ вамъ давался въ руки; два раза въ жизни такой случай не приходитъ,—и вы пропустили свой случай»!

Вѣдь тѣ же слова прохихикалъ ему неглупый кривляка изъ Суворинскаго публичнаго дома. Комбинація была благопріятная, но чтобы донесть все—надо было организовать силу. А если вы не хотѣли ее организовать, если вы надѣялись лишь на непріятности, которыя наносятъ революціонные «комары» старому льву (?) самодержавія, да на общественное мнѣніе заграницы—надо было слушаться «Temps», не грозить, не притворяться воинственными, торговаться смирненько, и

постараться хоть ползкомъ да донести ужъ не шмидтовское, а хоть полу-шмидтовское знамя.

Но г. Милюковъ вывелъ правила своего искусства изъ законовъ исторіи и памятовалъ, что налѣво пойдешь—перестанешь быть министрабельнымъ, направо пойдешь—грошъ тебѣ будетъ цѣна, ибо лишенный обаянія для массъ, что еси кадетъ? И г. Милюковъ «спокойный, розовый, и съ почти по купечески причесанными сѣдинами» (описаніе «Товарища») держалъ руль и провидѣлъ одну лишь опасность, которую формулировалъ такъ:

> «Движеніе, въ общемъ, на твердомъ и вѣрномъ пути. Но если оно еще можетъ оборваться,—то это именно на сектантской идеологіи русской революціонной интеллигенціи».

Показать себя и умѣреннымъ и рѣшительнымъ; между кресломъ съ дырой «умѣренности» и сѣдломъ рѣшительности и усѣлись, въ концѣ концовъ, бѣдные кадеты. О Кліо! Куда привела ты ихъ! Длинной вереницей шли они по дорожкѣ резолюцій, не предвидя отъ сего тяжкихъ революцій! Да припомнится рѣченное Марксомъ по поводу ихъ прототиповъ: «Вмѣсто того, чтобы постараться окружить себя силой вооруженнаго народа, они при каждомъ новомъ актѣ правительственнаго насилія переходили къ порядку дня!»

Лавировали... и ничего не вылавировали.

А былъ моментъ, когда опираясь на груду невѣсомыхъ благъ, пріобрѣтенныхъ для страны кадетами, г. Милюковъ сталъ гордъ, ахъ, какъ гордъ. Просмотрите его замѣчательный фельетонъ въ 88 № Рѣчи. Взгляните, какъ красочно и вмѣстѣ пластично изображается тамъ борьба Думы съ правительствомъ.

> «И не сходя съ своего мѣста, юный противникъ спокойно наносилъ старому Голіаѳу самые мѣткіе удары въ самое больное мѣсто. Ни одного ложнаго шага; ни одного невѣрнаго удара. Пренебреженіе къ противнику должно было немедленно уступить мѣсто любопытствующему вниманію, вниманіе смѣнилось страхомъ, страхъ скоро перейдетъ въ уваженіе».

Слушайте, слушайте. Тамъ, наверху, тамъ, въ покояхъ высокопоставленной камарильи ужъ уважаютъ невѣсомую силу Думы! Революціонная Дума! О, она безконечно была бы слабѣе «Думы нравственной!»

> «Но такая Дума была бы не опасна правительству. Съ такой Думой уже теперь балансъ ошибокъ былъ бы не на сторонѣ исполнительной власти. Дума сильна и неуязвима своей моральной силой, а не попытками насильственныхъ актовъ».

Презрительно пожимая плечами съ высоты своего невѣсомаго пьедестала, г. Милюковъ заявлялъ:

«Предсказываютъ же, что «кадетамъ волей неволей придется въ самомъ ближайшемъ будущемъ вступить въ соглашеніе съ крайней лѣвой и опредѣленно заявить о своихъ надеждахъ на революціонное движеніе, или пойти на такія уступки,— пожалуй, сдѣлки съ правительствомъ, которыя лишатъ партію всякаго авторитета въ глазахъ большинства и низведутъ на степень явной или скрытой прислушницы бюрократіи.

«Дѣло, однако, не такъ плохо, какъ это рисуется нашимъ критикамъ. Если бы положеніе было таково, какъ имъ кажется, то предсказываемые ими результаты обнаружились бы уже теперь. Вмѣсто того мы видимъ какъ разъ обратное. «Кадеты» дифференцируются отъ «крайней лѣвой» и въ то же время импонируютъ правительству. Ихъ сила растетъ по мѣрѣ того, какъ выясняется ихъ независимая политическая роль».

Ха-ха-ха! Что касается перваго, вотъ ужъ—да! Что касается второго, вотъ ужъ—нѣтъ! И въ то время, какъ г. Милюковъ пѣлъ:

«Мы знаемъ, что жизнь будетъ за насъ; мы знаемъ, что только тотъ, кто ей служитъ, можетъ

надѣяться ею управлять. Мы знаемъ, гдѣ лежитъ общее теченіе жизни, и смѣло направляемъ нашъ руль въ ея главный фарватеръ»,—

Голіафъ думалъ: «Ну-ка ты, невѣсомый Давидъ! Дай-ко я тебя вѣсомой палицей хвачу!»

О! Вы оскорблены, огорчены, раздражены, что народъ не вступился за васъ! А что вы сдѣлали для него? Вы, наотрѣзъ отказавшіе во всякой помощи ему въ дѣлѣ накопленія и организаціи силъ? Вамъ горько, что Ахеронъ не возсталъ? Но не вы ли открещивались отъ него и крестомъ и пестомъ? У васъ не нашлось даже мужества собраться въ Петербургѣ же, объявить себя подъ охраной Петербургскаго населенія, дать себя арестовать! Нѣтъ, вы избрали опять не путь, а распутицу. Да припомнится рѣченное Марксомъ о предкахъ вашихъ:

«Въ теченіе двухъ недѣль палату гнали съ одного мѣста собранія на другое и повсюду разгоняли съ помощью военной силы; а члены Собранія умоляли гражданъ оставаться спокойными. Когда же, наконецъ, правительство объявило о распущеніи палаты, послѣдняя постановила объявить незаконнымъ взиманіе податей, и члены ея разсѣялись по странѣ для организаціи отказа отъ уплаты налоговъ. Они увидѣли, однако, что жалко

ошиблись въ выборѣ средствъ. Послѣ нѣсколькихъ бурныхъ недѣль, въ теченіе которыхъ правительство принимало строгія мѣры противъ оппозиціи, всѣ отказались отъ мысли не платить податей для поддержки умершаго Національнаго Собранія, не имѣвшаго даже мужества защитить самого себя».

Да, г. Милюковъ выбралъ не путь, а распутицу, не конституціонно-жвачное непротивленіе, которое навязываетъ ему въ полемикѣ ехидный пустосвятъ, и не активное сопротивленіе силою силѣ (гдѣ тамъ! это.... опасно! реакція, диктатура, металлъ, жупелъ!...) Онъ вступилъ на распутицу революціонной пассивности. Онъ громко называлъ въ Англіи свою тактику революціонной и черезъ немного дней такъ же громко отказался отъ нея, отослалъ ее, впрочемъ, въ архивъ принциповъ.

Мнѣ передавали одинъ очень характерный разговоръ: лѣвый кадетъ пріѣхавъ въ деревню и разговариваетъ съ умнымъ мужикомъ. «Понимаешь, дядя, народъ долженъ сопротивляться такому-сякому правительству». —«Истинно, баринъ, это какъ есть. Сопротивляться надоть. Всѣмъ скопомъ значитъ. Какъ народъ есть сила. А ежели теперь все терпѣть—изъѣздять они народушко, изо всей изъ Руси-матушки кровь повыпьють.»—«Но только, дядя, сопротивляться нужно пассивно. Я тебѣ

сейчасъ объясню, что это значитъ. Это значитъ податей не платить, новобранцевъ не давать. Понялъ?»—«Понялъ, понялъ. Что же, это хорошо. Только порютъ за это, баринъ, больно. Ты, значитъ, какъ бишь его?—пассевно, что-ли, а они солдатъ пригонютъ, да и давай драть. Скидай, молъ, порты, пасевный бунтарь. Ты, баринъ, то возьми въ толкъ. Скажемъ полкъ, али тамъ дивизія, сейчасъ они начнутъ ее передвигать: сегодня, значитъ, въ Неѣловкѣ порка, а на завтра въ Горѣловкѣ. Такъ то. А ужъ ежели бы вотъ вмѣстѣ. Да со всѣхъ бы концовъ на города!. Мы бы линію сейчасъ скрозь бы спяли. А рабочіе въ городу—забастовку эфту самую. Какъ колыхнулись бы повсюду—призадумались бы и солдатики палить то въ насъ. Да.. Вотъ это дѣло. (Вздохъ). Только вотъ скликнуться народъ не можетъ. Разбросаны, размотаны, гдѣ встанутъ, а гдѣ въ норѣ лежатъ, лапу сосутъ. А тѣ по телеграху сичасъ карательную спедицію.... Вотъ оно какъ, баринъ милый, выходитъ. Скликнуться то намъ Дума то наша не помогла. Сама воевать хотѣла, анъ рыломъ не вышла».

Вмѣстѣ съ этимъ мужикомъ я считаю пассивное сопротивленіе при русскихъ порядкахъ великимъ вздоромъ. Правые кадеты, которые постарше, поумнѣе, догадались и бросили. А лѣвые еще носятся. И не поможетъ имъ ихъ молодость додуматься?

Въ любопытной полемикѣ Меньшикова съ Милюковымъ послѣдній ясно раскрылъ свои карты. Напрасно думалъ Меньшиковъ, что Милюковъ отчаялся, отнюдь нѣтъ: онъ пребываетъ въ надеждѣ. Отчаялся онъ только въ томъ легкомъ уклоненіи налѣво, которое онъ легкомысленно проявилъ послѣ удара столыпинской дубины по невѣсомой кадетской посудѣ.

Вотъ какъ характеризовалъ г. Милюковъ современное положеніе вещей редакціи «Temps».

«Я указалъ двѣ противоположныхъ тенденціи русской политической жизни: одну, которую я характеризовалъ, какъ тенденцію къ «умѣренности», и другую—тенденцію къ дальнѣйшему революціонному подъему.

«На первый взглядъ, говорилъ я, можно было бы пророчествовать успѣхъ стремленію общества къ умѣренности. Общество устало отъ трехлѣтней борьбы; оно жаждетъ отдыха. Значительная часть общества къ тому же испугана ходомъ революціонныхъ событій. Чувство отсутствія безопасности становится общимъ чувствомъ; самые мирные обыватели принуждены думать о самозащитѣ, и «буржуазный страхъ» беретъ верхъ надъ цивическими добродѣтелями. Не слѣдуетъ ли заключить

отсюда, что перевѣсъ получитъ контръ-революціонное настроеніе?»

«Конечно, правительство, которое сумѣло бы воспользоваться подобнымъ настроеніемъ средняго обывателя, могло бы остановить революціонное движеніе уже давно. Это и пробовали дѣлать. Правительство, какъ будто начинало понимать, какая нужна для этого политика. И однако, теперь, можетъ быть, болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, правительство является самымъ надежнымъ союзникомъ революціи. Своими реакціонными пріемами оно всякій разъ заставляло испуганнаго обывателя возвращаться къ борьбѣ. Съ роспускомъ Думы начался періодъ новой открытой войны».

Можетъ быть, этой внутренней войнѣ можно пророчить рѣшительную и скорую побѣду? Увы, и въ этомъ отношеніи, какъ по отношенію къ возможности побѣдоносной реакціи, я предпочитаю отказаться отъ пророчествъ. До сихъ поръ пророки побѣдоноснаго революціоннаго выступленія оказывались такими же ложными пророками, какъ и предсказатели побѣдоносной контръ-революціи. Всего ближе къ истинѣ оказался тотъ японскій дипломатъ, который характеризовалъ затянувшійся

кризисъ Россіи, какъ «безсильную революцію при неспособномъ правительствѣ».

Если тутъ сквозитъ «отчаянье», то, какъ видитъ читатель, лишь въ побѣдоносной революціи. Только притворяясь вмѣстѣ съ рептильнымъ Меньшиковымъ, будто считаешь г. Милюкова революціонеромъ, можно серьезно говорить о его отчаяньѣ. Мы знаемъ, что въ глазахъ г. Милюкова, какъ свѣдущаго, а потому прозорливаго историка, побѣдоносная революція есть несчастье, насиліе, адъ, грядущая реакція и военная диктатура.

Но г. Милюковъ продолжаетъ вѣрить въ революцію, какъ совокупность «непріятностей», какъ неудобное состояніе, изъ котораго не выйдешь безъ кадетовъ, и онъ говоритъ, уже успокоенный нѣсколько отъ своихъ неудачъ на поприщѣ пассивной революціи:

«Безсильная побѣдить, революція все же достаточно сильна, чтобы создать непреодолимыя затрудненія для правильнаго функціонированія государственной жизни.

Такимъ образомъ, не желая дѣлать предсказаній, мы, однако, собрали матеріалъ для нѣкоторыхъ вѣроятныхъ заключеній въ ближайшемъ будущемъ. Несмотря на ростъ охранительныхъ чувствъ, реакція имѣетъ мало шансовъ побѣдить. И ростъ революціоннаго настроенія въ другихъ

общественныхъ кругахъ не приведетъ къ побѣдѣ революціи. Будущее за средними общественными элементами, и скоро правительство убѣдится въ своемъ безсиліи создать «порядокъ, основанный на правѣ», иначе, какъ путемъ широкой организаціи этихъ среднихъ общественныхъ группъ, на основахъ правильнаго конституціоннаго строя. Правительство должно уступить».

Все дѣло теперь въ томъ, чтобы остаться выразителемъ средняго обывателя, жаждущаго въ общемъ, по характеристикѣ г. Милюкова, успокоенія. Нельзя опускать слишкомъ поспѣшно свой флагъ передъ правительствомъ—это сдѣлали и союзъ 17-го октября и, отчасти, мирнообновленцы. Но Милюковъ опытнымъ глазомъ историка уже видитъ, что надо его приспустить. Шмидтовское наслѣдство придется попытаться пронести въ умаленномъ видѣ. Пассивную революцію окончательно спрятали на 4 съѣздѣ въ карманъ. Съ торопливостью и неловкостью г. Милюковъ подъ тяжелымъ взоромъ нововременскаго сикофанта отказался отъ своихъ рѣчей въ Европѣ и досадливо обвинилъ во лжи не только этого протолжеца, но и цѣлый рядъ солидныхъ французскихъ и англійскихъ газетъ. Надо опять попытаться сдѣлаться министрабельнымъ. О! вѣрьте—кадеты будутъ теперь услужливы. Теперь они не попадутъ впросакъ.

Меньше, чѣмъ когда-либо вѣрятъ они въ революцію, меньше, чѣмъ когда-либо хотятъ помочь ей вырости, но перемѣна въ тактикѣ будетъ!—Недаромъ смѣшной моралистъ партіи Гредескулъ восклицаетъ:

> «Нашу партію часто упрекали въ слабости дѣйствія. Это, вѣроятно, такъ и есть, потому что наша сила—въ силѣ сознанія. Мы опираемся не на классъ, а на народъ, мы не преслѣдуемъ своихъ особыхъ цѣлей, поэтому, намъ и нѣтъ надобности организовать свои особыя дѣйствія. Мы пытаемся формулировать передъ народомъ его цѣли, мы пытаемся направить въ надлежащее русло его дѣйствія. И мы обязаны теперь сказать народу ту правду, какая ему необходима для правильной координаціи его дѣятельности: бурный порывъ народный разбился о противопоставленныя ему препятствія; теперь силу народную надо направить по другимъ путямъ, какіе, впрочемъ, всегда и раньше отстаивались партіей народной свободы».

Хотя и раньше шли по этому пути, но онъ все-таки будетъ новый... Мы понимаемъ, понимаемъ, господа сверхклассовые историки, моралисты, философы и прочіе... старыя бабы, какъ выразился про вашихъ франкфуртскихъ прародителей Марксъ.

Пусть же теперь читатель оглянется на весь «тактическій путь» г. Милюкова. Въ чемъ можетъ упрекнуть его выразитель буржуазныхъ интересовъ? Буржуа боятся революціи. Милюковъ ея боится. Буржуа запугиваютъ ею правительство. И Милюковъ тоже. Буржуа запугиваетъ ее реакціей. И Милюковъ тоже. Конечно, глупому буржуа многое кажется рискованнымъ въ самой программѣ г. Милюкова, но это потому, что онъ глупъ, не понимаетъ ни опасности революціоннаго взрыва, ни того.... что не все же исполняется, что пишутъ въ программахъ! Умный же буржуа только выборгскій кренделъ осудитъ. И то, что немножко кренделили и раньше. Надо было быть уступчивѣе. Г. Милюковъ оправдывается, но... въ сущности, и самъ это видитъ.

Но никогда, никогда—самымъ крѣпкимъ ни-ко-гда! —г. Милюковъ не считаетъ себя идеологомъ буржуазіи. Или даже защитникомъ интересовъ «большинства». Если это такъ, то лишь постольку, поскольку наука... и такъ далѣе. Послушайте, напримѣръ, рацеи г. Милюкова къ доподлинному большинству, къ крестьянамъ:

«Нашлись ораторы въ составѣ съѣзда (третьяго), которые совѣтовали, при столкновеніи программы партіи народной свободы съ программой, какую выработаютъ крестьяне, уступить послѣднимъ, что-

бы во всякомъ случаѣ не доводить дѣло до конфликта.

«Совѣтъ этотъ кажется мнѣ чрезвычайно страннымъ. Если такъ, то вѣдь все дѣло получаетъ такой видъ, какъ будто партія народной свободы хотѣла что-то скрыть, чего-то не додать крестьянамъ, но крестьяне уперлись—и намъ совѣтуютъ уступить. Если уступить можно, то почему же, спрашивается, мы не уступили раньше, когда не было этого давленія? Значитъ, и въ самомъ дѣлѣ мы хотѣли защищать чьи-то другіе интересы, помимо интересовъ народа?

«Партія народной свободы вырабатывала свою аграрную программу не въ чьихъ-либо классовыхъ интересахъ, а въ интересахъ того же крестьянства, которое хотятъ теперь сдѣлать договаривающейся стороной. Если партія не ввела въ программу общаго принципа, то потому, что общимъ принципамъ вообще не мѣсто въ законопроектахъ, и потому, въ частности, что данный принципъ не можетъ быть признанъ ни яснымъ для всѣхъ, ни безспорнымъ. Если же введены въ проектъ извѣстныя ограниченія и оговорки, то потому, что имѣлся въ виду общегосударственный интересъ, а не интересъ отдѣльнаго класса. Въ томъ или другомъ

случаѣ крестьяне могутъ яснѣе понимать свои нужды, но зато комиссія народной свободы располагала несравненно болѣе солидными знаніями и научной подготовкой. Она предложила все, что въ настоящее время можно было предложить; вѣроятно, очень и очень многіе найдутъ, что комиссія предложила больше, чѣмъ можно. Какъ правильно сказалъ П. Б. Струве на съѣздѣ, обстоятельства могутъ отодвинуть рѣшеніе вправо, но отодвинуть его дальше влѣво, оставаясь въ предѣлахъ законодательнаго пути, уже едва ли возможно».

Все дѣло въ научной подготовкѣ! Никакія обстоятельства не могутъ подвинуть влѣво рѣшенія кадетовъ... кромѣ развѣ аграрныхъ комитетовъ, избранныхъ на основѣ всеобщаго, прямого! Но вѣдь читателю уже извѣстно, что тамъ получаетъ голосъ не «наука», а одностороннее насиліе. Думаете ли вы, что г. Милюковъ лукавитъ? Нѣтъ, онъ всей душой противъ «недоразумѣнія», всей душой вѣритъ въ то, что «Богъ гласитъ его устами!» Но мы знаемъ, что въ мантіи науки вложилъ въ его сердце его «историзмъ», «князь міра сего», духъ буржуазный, рядящійся въ ризы умѣренности, трезвости, опыта и пр. и пр., въ холодную воду омоченныя плащаницы, ими же и перевитъ и спеленатъ бѣдный муд-

рецъ г. Милюковъ! И не вѣдая, что съ молокомъ almae matris всосалъ онъ премудрость робкихъ, премудрость ушибленныхъ либераловъ, боящихся далей и отваги, г. Милюковъ чувствуетъ въ душѣ своей пафосъ, пафосъ истиннаго пугеводителя, котораго не сбиваетъ съ дороги ни пѣніе правыхъ сиренъ, ни горячечныя рѣчи «якобинцевъ».

Въ извѣстномъ фельетонѣ по поводу первой и, въ сущности, единственной пока побѣды партіи народной свободы г. Милюковъ не вѣщаетъ, поетъ:

«Наша сила—въ нашемъ дѣлѣ, въ той великой задачѣ народной свободы, которую мы себѣ поставили. Все остальное—партійная дисциплина, чувство солидарности, наше единство—все это лишь послѣдствія того проникающаго всѣхъ насъ энтузіазма, которымъ наполняетъ насъ дѣло, нами защищаемое. И пока эта цѣль, это знамя будетъ передъ нашими глазами, мы всѣ будемъ вмѣстѣ уже потому, что всѣ идемъ за однимъ знаменемъ.

«Непонятное, загадочное, сложное для другихъ, намъ самимъ кажется, въ сущности, такимъ простымъ и яснымъ! Задача наша—даже не въ томъ, чтобы пріобрѣсти силу, а въ томъ, чтобы ее сохранить, не растратить. Мы сохранимъ нашу силу, если будемъ помнить ея источникъ. Источ-

никъ нашей силы тотъ, что дѣло, которое мы дѣлаемъ, есть дѣло всего освободительнаго движенія». Толкуйте, что это самообманъ!

«Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
«Насъ возвышающій обманъ!»

Кто дѣлаетъ дѣло всего освободительнаго движенія, не долженъ зарываться. Я не зарываюсь, въ этомъ мой героизмъ, героизмъ умѣренности! Помните, какъ плакалъ надъ умѣренностью Фаустъ:

«Я слишкомъ старъ, чтобъ тѣшиться игрою»,
«И слишкомъ юнъ, чтобъ вовсе не играть!»

Точь въ точь буржуазные мудрецы:

Великое не дастся,—я увѣренъ:
«Умѣренъ будь, лишь будь умѣренъ».
Вотъ пѣсня вѣчная у насъ.
Ее назойливо намъ въ уши напѣваетъ
Охриплымъ голосомъ, смѣняясь каждый часъ.
Встаю я утромъ полнъ страданья.
И знаю наперед, что день пройдетъ,
И мнѣ не дастъ, я знаю наперед,
Ни одного свершить великаго желанья.
Мгновенье радости почуяли душой,
Вмигъ жизни критика его мнѣ разрушаетъ,
И образы, слѣпленные мной,
Гримасой пошлой искажаетъ!

Да, но г. Милюковъ гордится умѣренностью—въ этомъ разница. Ему стала мила пошлая гриммаса ком-

промѣнаго полуосвобожденія, онъ рыцарь ея печальнаго образа. Онъ гордо потрясаетъ копьемъ во имя своей косой и хилой дамы—конституціи, въ порывѣ неистовства умѣренности онъ воскликнулъ къ этой бѣдной дѣвѣ, послѣдней фрейлинѣ двора, Сандрильонѣ бюрократіи, желтой Дульцинѣе, онъ воскликнулъ къ ней: «о, дорогая конституція! зовись отнынѣ божественнымъ именемъ, зовись—Народной Свободой!» И куры смѣялись цѣлый день надъ «трезвымъ» Донъ-Кихотомъ. А онъ, полувѣря себѣ, полухитря, говорилъ друзьямъ: «Все таки, какъ ни говорите, а съ новымъ именемъ она стала краше и для насъ и для другихъ». Вали честной народъ на широкъ—кадетскій дворъ, пей иностранную дреймадеру, приготовленную на задворкахъ Царскаго Села и подслащенную кадетскимъ сиропомъ. Съ вѣрой—приступите. И подходитъ Милюковъ, поднявъ очи горѣ, ударилъ себя въ грудь, и сказалъ: «вѣрую яко сіе во истину есть вино Народной Свободы!»

Ладно, ладно. Что-то будетъ дальше? г-да Конституціонные демократы. Что-то вы еще за жидкость примете и выдадите съ вѣрою. И незамѣтно для себя, все съ той же чистой душою, ведомые на помочахъ все той же матушкой-исторіей, не превратитесь ли вы въ проституціонныхъ демократовъ? Г. Милюковъ — вѣдь измѣна и предательство слова изъ лексикона утопистовъ.

Вы просто «подъ вліяніемъ обстоятельствъ» подвинетесь вправо.

Но въ тотъ день, когда жизнь божественнымъ порывомъ вдругъ рванется на свѣтлыхъ крыльяхъ налѣво, лучшей наградой, какой вы можете себѣ ожидать, будетъ — снисходительный смѣхъ надъ профессоромъ-дипломатомъ, который хотѣлъ: «служа жизни, владѣть ею», но такъ и остался ея лакеемъ.

Прежде, чѣмъ я перейду къ двумъ другимъ моимъ «героямъ», я хочу сказать нѣсколько словъ объ открывающихся сейчасъ передъ кадетами перспективахъ.

По прежнему на двѣ силы разсчитываетъ г. Милюковъ: на непріятности отъ революціи и на поддержку Европы. Въ моемъ предисловіи я уже указывалъ на выгоды для французской передовой буржуазіи кадетской Россіи. Задача ихъ разбивается на три: 1) убѣдить кадетовъ стать еще умѣреннѣе, 2) убѣдить правительство въ благоразуміи кадетовъ и 3) не дать странѣ перерадикалить.

Конечно, европейскіе шарфмахеры предпочли бы жандармскую Россію. Но увы, акціи шарфмахеровъ падаютъ! На пути прямого столкновенія, революціонизируя массы провокаторскими наступательными дѣйствіями,

можно еще не разъ окровавить землю пролетарской кровью, но... армія тоже все болѣе революціонизируется. Это законъ болѣе вѣрный, болѣе быстро проявляющійся, чѣмъ законъ охлажденія солнца. Но неужели нельзя создать соціальный миръ? Хитрѣйшая изъ махинацій эксплуататоровъ! Буржуазія все болѣе приходитъ къ тому выводу, что у г. Клемансо дѣла пойдутъ лучше. Соціалъ-либералы тянутъ руку. Топъ! Бьютъ имъ въ ладоши соціалисты-карьеристы...

А для этой комбинаціи лучше всего подходитъ кадетская Россія.

Можетъ ли воцариться надъ Россіей реакція глухая, темная? Нѣтъ, не надолго. Она близитъ разсвѣтъ, она толкаетъ все населеніе въ революцію, силы страны оставляетъ въ рукахъ напыщенныхъ тупицъ и прожженныхъ казнокрадовъ. Можетъ ли помочь правительству бутафорская, фальсифицированная черносотенная Дума? Нѣтъ, ибо безъ сильнаго контроля, безъ властнаго контроля тупицы и казнокрады все равно попадутъ въ Мальстремъ. На этомъ пути катастрофа неизбѣжна. Строго говоря, это знаютъ и «камарильеры».

Кадетская Дума, полукадетское министерство—единственный способъ, имѣющій хоть какіе-либо шансы ликвидировать русскую революцію. Какъ министерство соціальнаго мира, союзъ буржуазныхъ гомеопатовъ-поли-

тиковъ съ соціалистами - карьеристами — единственное мало-мальски разумное средство ликвидировать назрѣвающую соціальную революцію до ея начала въ Зап. Европѣ.

Опасность для насъ тутъ есть. Отрицать ее, значитъ быть слѣпымъ. Но опаспость, а не неизбѣжный конецъ нашихъ надеждъ.

Какъ во Франціи настоящіе соціалисты не плачутъ отъ успѣха радикаловъ, но ни пальцемъ не помогаютъ имъ и ждутъ ихъ провала, такъ будутъ дѣйствовать и соціалдемократы въ Россіи.

Шествуйте, кадеты: замирите страну. Съ нашей стороны вы встрѣтите ожесточенную критику. Вашъ провалъ будетъ великимъ урокомъ, отворяющимъ дверь въ будущее. Мелкая буржуазія, разочарованная въ васъ, найдетъ своего учителя въ пролетаріатѣ. Процессъ этотъ не такъ простъ, онъ будетъ перемежаться реакціями, но реакціи готовятъ лишь новый сильнѣйшій взрывъ. Сговаривайтесь же, замиряйте. Замиряя — вы не можете не дать намъ оружія—свободу слова, печати, собраній, союзовъ, стачекъ. Это оружіе мы употребимъ и противъ стараго порядка и противъ его ремонтеровъ-подновителей. Идите, мы за вами! И на мѣсто блѣдныхъ картинъ, которыя вы хотите нарисовать на стѣнахъ Россіи, мы нарисуемъ пламенно-яркіе образы. Вы не только расчищаете намъ путь, мы знаемъ, что вы строите противъ

насъ послѣднюю баррикаду, но она рухнетъ скоро, а она — послѣдняя.

Еще будемъ видѣть, правду ли говоритъ ваша исторія, что Россіи предстоитъ долгій этапъ буржуазной конституціи. Подземныя силы велики всюду, горючихъ матеріаловъ накопилось много. Пылающія головни полетятъ отъ всякаго пожара въ Европѣ, неся съ собою пожаръ всемірный. Идите же, кадеты, мы за вами, наступая вамъ на пятки, а можетъ быть и на головы.

Г. Струве, или о вредѣ философіи.

Вторымъ мужемъ совѣта, мудрецомъ кадетской партіи—является знаменитый Петръ Бернгардовичъ Струве. Фигура этого «искателя» очень популярна среди нашей интеллигенціи. Жаль, что каррикатура еще не коснулась ея, она нашла бы столь же благодарно-подготовленную психологическую почву, какъ графъ Витте, напримѣръ. Вьюны, вертуны, перемѣтчики, какъ это ни странно, рѣжче запечатлѣваются въ общественной душѣ, чѣмъ цѣльныя изъ бронзы литыя фигуры. Витте, Меньшиковъ, Струве! Кто ихъ не знаетъ, этихъ «искреннихъ искателей» и «умныхъ практиковъ». Я не преувеличиваю. Относительно Меньшикова я убѣжденъ, что онъ, несмотря на позицію свою—по горло въ зловонной грязи («писатель съ моимъ положеніемъ!» какъ выразился онъ въ полемикѣ съ Милюковымъ) искренне считаетъ себя искреннимъ! О, фокусы человѣческой искренности! Графъ подъ сомнѣніемъ. Но, кто его знаетъ, возможно, что и онъ думаетъ иногда: «въ сущности, я разумно служу отечеству, въ сущности, я истинно дѣловой человѣкъ и, согласно запросамъ времени, умѣю мѣнять фронтъ» У г. Меньшикова словечко «въ сущности» вѣроятно бо-

лѣе блѣдно, а у г. Струве выцвѣло совсѣмъ. И г. Струве увѣренъ въ томъ, что онъ почти святъ въ искренности своихъ исканій.

И всетаки г. Струве считаетъ себя очень хитрымъ, даже государственно хитрымъ! То онъ выскажется за то, чтобы «говорить всю правду» и называть трусами тѣхъ, кто часть правды скрываетъ — и вы видите этого «честнаго Яго», съ честными и чистыми глазами, этого наивнаго ученаго, рыжебородаго, добродушнаго человѣка не отъ міра сего, эту разновидность доктора Штокмана. То вдругъ, г. Струве начнетъ поучать:

> «Кому не чужда политическая отвѣтственность, тотъ не станетъ вкладывать все, что онъ считаетъ правильнымъ, независимо отъ того, какой эффектъ въ умахъ слушателей или читателей будетъ имѣть такая проповѣдь, и какіе реальные плоды она можетъ дать».

И вы видите лукаваго и государственнаго Струве, искуснаго «регистратора земской мысли», у котораго даже на лицѣ написано: «а я прехитрый человѣкъ, я настоящій земскій политикъ, я почти кадетскій Бисмаркъ!»

Забавнѣе же всего то, что хитрость Струве дѣтски наивна, поистинѣ ребячески непрактична, а его мета-

физическій полетъ какъ разъ отравленъ буржуазной практичностью.

Многообразна роль, которую играетъ философія въ обиходѣ дряхлой, потерявшей себя, духовно уже побѣжденной буржуазіи. При помощи ея, тѣ профессора философіи, которые обыкновенно, по словамъ Фейербаха, не бываютъ философами, стараются фальсифицировать науку, затемнить, замутить ея дальнѣйшее теченіе, ибо выводы ея обращаются противъ буржуа. При помощи ея спасаютъ ветхія привычныя цѣнности, затыкаютъ дыры, которыя время выѣдаетъ въ міросозерцаніи мѣщанина. При помощи ея идеологи буржуазіи стараются хоть какъ-нибудь создать ей, вѣрнѣе разогрѣть ей ея застывшій неаппетитный объѣдокъ былого пафоса. Философъ Струве дѣятельно, хотя и довольно безрезультатно, хлопочетъ на той нѣмецкой кухнѣ, гдѣ вырабатывается богъ буржуазіи (припомните слова Канта по Гейне, усумнившагося въ пригодности разрушительной своей «Критики чистаго разума» для людей, подобныхъ его слугѣ Лампе: «Лампе долженъ имѣть Бога!» воскликнулъ великій «кенигсбергскій китаецъ»*) и сѣлъ писать «Критику разума практическаго»). Г. Струве сидѣлъ у ногъ Штамлеровъ, Риккертовъ, проглотилъ, какъ стра-

*) По характеристикѣ Ницше.

усъ, неудобоваримые камни и стекла, множество нѣмецкихъ гандбуховъ и лербуховъ и почувствовалъ призваніе быть подогрѣвателемъ пафоса и въ то же время «зміемудрымъ регистраторомъ» для господъ россійскихъ либераловъ.

У г. Милюкова, какъ мы видѣли, тоже есть свой пафосъ. Но пафосъ г. Милюкова, какъ онъ ни жалокъ, —чистый. Это пафосъ раба, которому господинъ сказалъ: «ты привязанъ къ цѣпочкѣ и можешь бѣгать только на десять шаговъ въ окружности», и вотъ рабъ радъ и полонъ гордости: «рабъ справа, ты не знаешь, что господинъ далъ намъ десять шаговъ свободы, ты сидишь скрючившись, загипнотизированный твоимъ рабствомъ: смотри, я научу тебя, встань, выпрямись, походи! Рабъ слѣва, бѣдный, полный иллюзій, увидя лучъ солнца, ты вскочилъ, рванулся, ты бросился къ нему навстрѣчу и цѣпь, которою госпожа наша исторія опутала тебя по шею, схватила тебя за горло и душитъ тебя, рвущагося къ востоку, въ кровь рѣжетъ твое горло. Я, рабъ мудрый Милюковъ, вѣдаю, что на десять шаговъ мы свободны, и дальше ни-ни! Да хвалено и прославлено будетъ имя госпожи исторіи, открывшей мнѣ предѣла свободы моей и границы рабства моего! Благодарю тебя, что я не таковъ, какъ сей недвижный или оный безумный!»

Таковъ пафосъ г. Милюкова.

Господину Струве его недостаточно. Смутно чуетъ онъ, что рвать цѣпи великое счастье, что солнце манитъ, и онъ хочетъ создать карманное солнце и счастье въ цѣпочкахъ. Его хитрый оппортунизмъ такъ приземистъ, ползучъ, прозаиченъ, унылъ, что онъ чувствуетъ необходимость убожество своей программы minimum вознаградить необъятностью своей программы maximum.

Г. Булгаковъ въ предисловіи къ книгѣ «Отъ марксизма къ идеализму» разсказываетъ, какъ онъ немедленно примкнулъ къ бернштейновскому ревизіонизму, и констатируетъ, что ревизіонизмъ лишилъ соціалдемократію (старался лишить) ея пафоса, ея идеальнаго подъема, силы, захватывающей всего человѣка, цѣльности. Но буржуа въ сердцѣ, онъ, Булгаковъ, конечно, все же схватился обѣими руками за этотъ выхолощенный, ручной, обезцвѣченный и обезвреженный соціализмъ. Однако, какъ быть съ «пустотою», образовавшеюся въ сердцѣ: а заполнить ее мистическими грезами, метафизическими идеями.

Г. Струве ушелъ, кажется, еще дальше Булгакова отъ научнаго соціализма, но какъ ни какъ, а его жизненная программа, программа его «всенародной партіи» еще убоже бернштеніанской. Струве думаетъ, что его слушатели, его паства нуждается въ золотыхъ словахъ.

Увы, кадеты, повидимому, равнодушны къ полярной звѣздѣ, зажженной надъ ихъ головой г. Струве. Не его въ томъ вина. Онъ лучше ихъ. Ему недостаточно вырыть въ землѣ удобную нору. стать волею монарха на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣ г. Столыпинъ — устроить въ русской землѣ общество волчьей сытости при неприкосновенности овечьей личности, ему еще нужно поднять очи горѣ и ощутить въ груди своей вѣчную душу, а надъ звѣздами благословляющую десницу Бога, говорящаго: «сей есть сынъ мой возлюбленный, на немъ же мое благоволеніе, сей есть Петръ (Бернгардовичъ), и на камнѣ семъ воздвигну церковь всероссійскаго мѣщанства, и врата безбожной интернаціоналки не одолѣютъ ее».

Г. Струве нужно это, а г. Набоковъ—философъ по типу Скалозуба:

> Да, чтобы чинъ добыть, есть многіе каналы
> О нихъ, какъ истинный философъ я сужу,
> Мнѣ только бы досталось въ генералы.

Вотъ потому то г. Бердяевъ при всей наивной вѣрѣ своей въ государственную мудрость Струве говорилъ ему, осуждая прозу кадетства: «Эй, не мечите бисеръ передъ... кадетами!» Но г. Струве такъ и мечетъ, такъ и мечетъ свой бисеръ, не дорого вѣдь стоитъ этотъ въ

нѣмецкихъ философскихъ мануфактурахъ произведенный стеклярусъ.

Но хоть кадеты и смотрятъ на звѣзды, какъ на ненужную роскошь, однако же всетаки: «Звѣзда, она конечно, не болѣе можно сказать, какъ искра небесная, и въ своемъ родѣ сыпь тверди, однако, иногда можно звѣзду нацѣпить на грудь, и отъ этого пріобрѣтается осанка.» Звѣзда Струве на груди, розовая роза Родичева въ петлицѣ, кусокъ аграрнаго мыла для влѣзанія въ душу избирателя, лорнетка презрѣнія для взглядовъ налѣво, бѣлыя перчатки на случай, если позовутъ «туда»—вотъ вооруженіе кадета, его полное вооруженіе!

Я не думаю, чтобы и практическую сметку г. Струве кадетъ очень цѣнилъ. Да, этотъ коллежскій регистраторъ былъ когда то нуженъ. А теперь? Впрочемъ, что же, онъ нѣглупый человѣкъ, пусть работаетъ въ канцеляріи!

Дѣйствительно, практицизмъ г. Струве, его публицистика не многаго стоитъ. Тов. Тахоцкій безподобно выяснилъ мелкотравчатость и безсодержательность этой смѣси оппортунистическаго поведенія примѣнительно къ подлости обстоятельствъ, (это ли не мудрость!) и жалкаго страха передъ насиліемъ. Вспомните, что, по свидѣтельству князя Андроникова, вся дѣятельность Струве

сводилась къ борьбѣ съ идеей «вооруженнаго вмѣшательства пролетаріата въ ходъ исторіи».

Приведемъ лишь пару примѣровъ политической мудрости г. Струве:

Посудите, читатель, хитро или наивно было то лукавое разставленіе сѣтей «высочайшему мѣсту», которое Струве честно и тщетно выполнялъ на страницахъ «Думы», и которое онъ освятилъ въ первомъ же № Полярной Звѣзды; припомните эти «глазки» наверхъ, это сованіе изъ подъ полы «письма отъ милыхъ друзей» — billet doux земцевъ къ монарху.

«Въ такія эпохи власть должна быть смѣлой и идти до конца. Она должна захватить въ свою пользу весь моральный авторитетъ одержавшей надъ нею побѣду революціи и сдѣлать его своимъ. Революція должна быть возведена въ законъ.

«Въ Царскомъ Селѣ не поняли, что монархія, ставъ конституціонной, должна была разомъ и рѣшительно очиститься отъ той скверны и грязи, которая налипла на ней за долгую бюрократическую эпоху, и что связывая и дальше свою судьбу съ обанкрутившейся бюрократіей, верховная власть ставитъ на карту не толко спокойствіе страны,

но и самую судьбу монархическаго принципа въ ней.

«Монархія не есть какая-либо абсолютная форма политическаго бытія народовъ. Наоборотъ, это — исторчески весьма условная форма, съ которой сродняются и даже срастаются народныя души, какъ со всѣми вѣковыми предразсудками.

«Легкомысленно сектантскими клещами и цѣною потоковъ крови рвать изъ народной души эти предразсудки, тѣмъ болѣе, что въ атмосферѣ права и свободы они становятся совершенно безвредными.

«Русская революція и русская монархія стоятъ теперь обѣ на поворотномъ пунктѣ. На тѣлѣ націи онѣ могутъ схватиться въ послѣдней отчаянной схваткѣ. И онѣ еще могутъ заключить миръ. Допустимъ, что завтра революція побѣдитъ монархію. Это вовсе не будетъ означать, что торжество революціонныхъ началъ прочно. Такая побѣда революціи только проложитъ путь реакціи. Но и наоборотъ. Торжество реакціи — теперь уже это ясно для всякаго вдумчиваго человѣка—опаснѣе для монархіи, чѣмъ для революціонныхъ началъ. Русская монархія, которая не заключитъ

съ революціей почетнаго для обѣихъ сторонъ мира, а побѣдитъ ее реакціей, — эта русская монархія не выдержитъ не только второй революціи, но и второй такой войны, какою была русско-японская война».

О, институтскія надежды! Г. Струве поднималъ платьице и опускалъ глазки въ глубокомъ придворномъ книксенѣ, завѣрялъ кого слѣдуетъ, что, кому слѣдуетъ, гораздо лучше будетъ у кадетовъ: «совершенно будете безопасны, милостивецъ, совершенно безотвѣтственны, вы только бумажку, милостивецъ, извольте подмахнуть —мы сейчасъ стараго дьяка въ три шеи, и отвѣтственность всю на себя, у насъ вѣдь извѣстно, у насъ и волки сыты и овцы цѣлы».

И пріосанившись, внутренно предвкушая снисшествіе власти подъ сѣнь щитовъ кадетскихъ, г. Струве обращался къ «обществу» и бранилъ людей съ республиканскими клепцами. Вредна не монархія, монархія, что пустая бутылка, которая пріемлетъ всякое содержаніе, худа бюрократія!

Это, видите ли, хитрый Струве загоняетъ клинъ между монархомъ и «берикрадіей» и готовитъ общій миръ. Видите ли вы, читатель, съ какой гадливой насмѣшкой смотрятъ сверху на кадетскаго мудреца простеца, если только тамъ вообще его замѣчаютъ, пред-

ставляете ли себѣ, какъ передовые классы и проснувшіяся группы населенія принимаютъ апологета «ослабнувшаго фетиша»?

Вотъ вамъ мудрость струвизма.

Не будемъ умножать примѣровъ. Отошлемъ читателя къ превосходному памфлету« Г. П. Струве въ политикѣ». Но объ одномъ мелкомъ, но ужасно характерномъ эпизодѣ я упомяну. Его кстати просмотрѣлъ остроумный авторъ упомянутаго памфлета.

Въ № 8 «Полярной Звѣзды» г. Струве объясняется съ знаменитымъ теперь своими нѣтушными ногами, рыцаремъ чести кн. Евгеніемъ Трубецкимъ. Кн. Евгеній Трубецкой любитъ метафоры, и, характеризуя двусмысленность кадетской политики, выражается слѣдующимъ образомъ:

«Крестьянину нужно немедленное рѣшеніе аграрнаго вопроса во всей его полнотѣ. И вотъ, конституціонно-демократическая партія говоритъ ему: «У тебя загорѣлся пожаръ въ деревнѣ, его сейчасъ мы тушить не можемъ; у насъ теперь такая скверная машина, какъ Дума 11-го декабря. Подожди, пока мы построимъ новую, а если не сразу удастся выстроить машину совершенную, на основаніи четырехчленной формулы, то мы

ее разрушимъ и построимъ еще новую, а построивъ, придемъ и потушимъ»!

Побѣдоносный мудрецъ кадетовъ, практическій и хитрый Струве, тоже не полѣзетъ въ карманъ за притчей, у него всегда цвѣтутъ на устахъ благоуханныя розы политической мудрости, и онъ возражаетъ:

«К.-д. партія ведетъ съ русскимъ крестьяниномъ совсѣмъ другой разговоръ. Она ему говоритъ на самомъ дѣлѣ: «чтобы потушить пожаръ, попробуемъ выбирать въ Государственную Думу. Но знай, что эти выборы могутъ дать тебѣ въ руки вовсе не пожарную машину, а полѣно, которымъ никакого пожара нельзя потушить. Поэтому, готовься къ тому, чтобы отбросить сразу и вовсе это полѣно, когда оно окажется у тебя подъ руками, и властнымъ голосомъ потребовать настоящей пожарной машины».

Перечитайте, перечитайте, читатель, протрите глаза и перечитайте вновь. Деревня горитъ. Ты можешь, мужикъ, «властнымъ голосомъ» требовать пожарную машину, но ты ее не требуй, а постарайся сначала путемъ сложныхъ махинацій вооружиться полѣномъ для того... чтобы отбросить его!

Ай да притча! Ужъ очень хороша. А когда кадеты рѣшились пользоваться «полѣномъ» для органической

работы, т. е. для тушенія пожара, вышло еще лучше! Что же, православные, по нуждѣ и полѣномъ обойдешься замѣсто заморской машины. Мы примѣнительно къ подлости даже стекломъ утираться и ногой сморкаться сумѣемъ. Перловъ подобнаго комическаго оппортюнизма можно найти сколько угодно у мудреца земли кадетской, но не станемъ идти дальше въ лѣсъ, чтобы набрать больше дровъ. Хитрость Струве, хотя онъ ничего не пожалѣлъ и не пощадилъ ради желаннаго титула «реальнаго политика»,—младенчески наивна. Бродить, бѣдняга, какъ въ лѣсу! Наканунѣ 9 января увѣряетъ, что въ Петербургѣ нѣтъ абсолютно никакихъ революціонныхъ элементовъ, и теперь продолжаетъ жевать неумную фразу:

«Привлечь народныя массы,—это значитъ совершить работу Титана, это значитъ заполнить вѣками созданную пропасть между народными массами и неклассовой идейной интеллигенціей.

Осуществленію этой задачи мѣшаетъ сама русская идейная интеллигенція и тѣмъ, что, благодаря своему «роковому недостатку»—доктринерству, она раскололась и продолжаетъ раскалываться на нѣсколько партій, и тѣмъ, что она недостаточно умно подходитъ къ народу».

Господа создатели «русскаго народнаго союза», вы поставили искусно массовыя сцены, не хуже Станиславскаго. Мудрый Струве увѣровалъ въ черносотенный народъ, готовый ринуться на интеллигенцію, и въ злыхъ и глупыхъ интеллигентовъ, которые къ старому черносотенному народному недовѣрію къ интеллигенціи прививаютъ «новый побѣгъ классовой вражды». Хитрая наивность и наивная хитрость—вотъ Струве.

Но таковъ онъ въ политикѣ, а Струве въ политикѣ только половина общественнаго г. Струве. Недаромъ печальнымъ окомъ смотрятъ Бердяевъ и Булгаковъ на дѣятельность Струве; онъ первый рѣшительно выступилъ съ оруженосцемъ своимъ г. Франкомъ на путь созиданія бога для кадетской буржуазіи. «На что намъ богъ, когда мы практики?», говоритъ, пожимая плечами, г. Милюковъ. «Безъ бога невозможно, нужно религіозное воодушевленіе, вѣра въ то, что творимъ великое; ползая червемъ по землѣ тактики, мы тѣмъ болѣе должны духомъ взлетать къ небесамъ...»—Ну валяйте, только пожалуйста не въ «Рѣчи» и не въ «Вѣстникѣ», а тамъ... гдѣ-нибудь... въ заднихъ комнатахъ».

Ахъ господа, господа кадеты, не понимаете вы, какую пользу вамъ хочетъ принести г. Струве, опъ васъ въ строители вѣчности и рыцари духа произвести хочетъ,

а вы... о, когда бы вверхъ могли поднять вы рыло, то вамъ бы видно было... какую пользу хотѣла принести померкшая «Полярная Звѣзда». Увы — не могла. Да врядъ ли и сможетъ, не только по равнодушію русскаго буржуа, по «пристрастію» интеллигента къ «краснымъ лозунгамъ атеистическаго соціализма», но и потому, что создать бога буржуазіи, бога мало-мальски живучаго, не могъ бы никакой Моисей. Тамъ, гдѣ осталось мѣсто лишь для мелкаго маклерства, не воздвигнутся храмы. Бѣдный, бѣдный г. Струве, который вмѣстѣ съ оруженосцемъ своимъ Франкомъ хотѣлъ поставить храмъ кадетскаго квазисоціализма насупротивъ того великаго, святого, чуднаго, благословеннаго храма побѣдителю человѣку, который воздвигаетъ неуклонно, обливая его кровью сердецъ сыновъ своихъ, непреклонная, стихійная, новая соціальная демократія. И въ заблужденіяхъ своихъ будетъ спасена она—ибо, какъ король Гаконъ, имѣетъ «королевскую идею». Сознаетъ себя и растетъ въ сознаніи, по краю пропасти идетъ съ ловкостью лунатика, о камень не преткнетъ ноги, на аспида и василиска наступаетъ, смертоносное пьетъ, страдаетъ въ своихъ индивидахъ, ошибается въ своихъ руководящихъ центрахъ, но растетъ на злобу, на страхъ, на зависть всѣмъ вамъ, вы, старые, дряхлые младенцы и младенчествующіе старики, насильники и соглашатели, душители, отравители и об-

манщики отъ Столыпина до Струве, отъ Вильгельма II до Клемансо!

Г. Струве, быть можетъ, еще разразится «широкой» критикой марксизма. Я имѣлъ честь слышать критическій рефератъ Струве, гдѣ Риккертовская кляченка «историзма contra натурализмъ» была впряжена въ возъ, нагруженный хламомъ всякаго антимарксистскаго критическаго отребья, и должна была привести его въ движеніе, но выбившись изъ силъ, свалилась и подняла въ воздухъ всѣ четыре ноги. Да повторитъ это мудрый Струве въ большомъ масштабѣ.

Но другая сторона «философскихъ исканій» г. Струве будетъ занимать насъ сейчасъ. Не только важно для него метафизической паутиной заткнуть окно науки такъ, чтобы буржуазіи казалось, будто солнце не восходитъ. Нѣтъ, ему нужно еще карманное солнце для буржуазіи. Буржуазія (NB — передовая) должна имѣть свой идеалъ.

Гм, гм! составить идеалъ. Въ сущности, это такъ же легко, какъ варить душистое мыло. Бери всего самаго лучшаго. Человѣку пріятно быть безсмертнымъ — desire безсмертія quantum satis. Надо, чтобъ жилъ нѣкто въ небесахъ, готовый къ его услугамъ и всемогущій, чистый духъ отъ аладиновой лампы, съ той лишь разницей, что постепеновецъ и исполнитъ все лишь въ

свой срокъ, но мы вѣдь безсмертныя существа, надъ нами не каплетъ, мы можемъ ждать. Итакъ, гесіре промысла божьяго quantum satis. Воспрославь индивидъ, ибо индивидъ это ты и онъ, Карпъ и Сидоръ, и когда прославляютъ индивидъ, пріятно тебѣ и ему, Карпу и Сидору. Вали сахару цѣлыми головами, сахаромъ варенья не испортишь. «А это что, веревочка?Давай сюда веревочку, въ дорогѣ перевязать что.» «Это что, соціализмъ? Давайте сюда соціализмъ». «Какъ соціализмъ! восклицаетъ земецъ: какъ соціализмъ, Петръ Бернгардовичъ: обратите ваше драгоцѣнное вниманіе, это вовсе не невинная веревочка, это шелковый шнурокъ, присланный для нашей землевладѣльческой или торгово-промышленной братіи самой исторіей».—«Да что вы, есть, конечно, соціализмъ Маркса, онъ вредный, но вѣдь есть еще другой соціализмъ... да... такъ тотъ уже мой! и совершенно безвредный... Такъ только мечтанія, вродѣ какъ бы облако... А безъ него нельзя. Никакой перспективы не выходитъ, для перспективы надо какъ бы уходящую въ даль дорогу... Но на самомъ дѣлѣ картонная стѣна и— болѣе ничего».—«Охъ, не шутите вы съ этимъ соціализмомъ съ проклятымъ, не было бы пожара!»— «Помилуйте, мы сызмальства сами въ марксистахъ состояли. Такіе ли фейерверки пускали». — «Ну, ну... звѣздите, звѣздите, г. Струве, только не черезчуръ».

Вмѣстѣ съ Франкомъ зафилосовствовалъ г. Ствуве о культурѣ. Безъ Франка кончилъ. И такая эта философія вышла — куцая, прямо надо говорить, вродѣ нашей конституціи. Все таки цѣлый рядъ и непремѣнно «важнѣйшихъ» вопросовъ былъ поставленъ. И любопытно посмотрѣть, какъ эти люди сегодняшняго дня, гвоздями къ данному прибитые, буржуазно близорукія домашнія утки стараются летать и строить башни грядущаго. Ну-ка, Сольнесъ-Струве, полѣзайте на башню культуры для прикрѣпленія кадетскаго знамени, вотъ уже и не знаю какого оно цвѣта. Ходитъ слухъ, что сшито изъ лоскутьевъ, вродѣ стараго одѣяла Пульхеріи Ивановны.

Мы живемъ во времена интенсивнаго и болѣзненнаго строительства культуры будущаго; называя его интенсивнымъ, я хочу сказать не столько то, что культура, вѣрнѣе фундаментъ грядущей культуры быстро растетъ на нашихъ глазахъ, что работа нашихъ поколѣній необыкновенно успѣшна—я хочу сказать лишь, что тоска по истинно-человѣческой культурѣ огромна въ наше время, выражается ли она въ сознательныхъ порывахъ наиболѣе передовыхъ индивидуальностей, констатирующихъ ужасъ нашей современной полукультуры, или въ натискѣ пролетаріата, столько же гонимаго своими нуждами, какъ и влекомаго своими идеалами, или въ неизрѣченныхъ воз-

дыханіяхъ духа, въ общей тоскѣ, въ общей неудовлетворенности загнаннаго существа человѣческаго, ибо человѣкъ забытъ въ старой, на сломъ осужденной культурѣ настоящаго. И болѣзненно это строительство. Съ прекращеніемъ борьбы классовъ путемъ освободительной побѣды послѣдняго изъ нихъ, съ торжествомъ коллективнаго разума надъ хаотически созданными имъ и хаотически пущенными въ ходъ и потому взбунтовавшимися и воцарившимися орудіями производства — мы совершимъ прыжокъ въ царство свободы. Мы подойдемъ къ той свѣтлой порѣ, когда начнется исторія человѣчества, къ зарѣ истинной культуры. Но теперь не строй своего счастья, человѣкъ, потому что строительные матерьялы нужны для фундамента будущему, лягъ костьми на камняхъ твоей постройки, кровью твоей цементируй эти тяжелыя глыбы.

Видъ преслѣдуетъ свои цѣли въ великомъ борсньи съ хаосомъ природы. Онъ стремится ощупью къ побѣдѣ, не щадя своихъ эфемерныхъ представителей — человѣковъ и человѣчковъ. «Не затушевывайте противорѣчія между индивидомъ и видомъ»,—говоритъ Марксъ. Оно есть, его надо принять сознательно, если у тебя есть мужество быть солдатомъ первой шеренги и умереть Арнольдомъ Винкельредомъ, прокладывай путь другимъ съ кликомъ: «побѣда будетъ наша!»

Но тѣ, кто не хочетъ или не можетъ сказать: «да» задачѣ, возложенной на наше поколѣніе исторіей? Они только безъ воли, безъ радости борьбы, безъ сознанія своей миссіи строителя положатъ кости и прольютъ кровь на фундаментъ дома торжества вида человѣческаго. Нѣтъ силы на землѣ, которая инымъ путемъ, не при посредствѣ сознательной и богатой жертвами борьбы могла бы ускорить наступленіе новыхъ временъ и прекратить ужасы нищеты и голода, невѣжества и разврата, которыя косятъ людскія головы—жертвы роста культуры, пушечное мясо ея завоеваній. Такова обратная сторона тѣхъ варварскихъ медалей, которыя исторія должна была чеканить прежде, чѣмъ добьется она чистаго золота истинно культурной общественности. А тѣ, которые протестуютъ во имя личности противъ борьбы вида? Они либо влекутся «хитростью духа», по выраженію Гегеля, силой неумолимо сложившихся условій борьбы на ту же работу, только съ проклятіемъ на устахъ, либо отходятъ въ сторону, къ тѣмъ, кто ищетъ индивидуальныхъ утѣхъ, не высказываются ни за, ни противъ грядущаго, принимаютъ ту капельку жизни, которая имъ отмѣрена, чтобы умереть, признавъ, что всю жизнь таили въ себѣ страхъ этой смерти.

Большая дорога человѣчества лежала и лежитъ еще черезъ жертвы, милліоны милліоновъ безсознательныхъ

жертвъ! Жертва-же сознательная, когда мы озарены лучами любимаго идеала, согрѣты волей, говорящей «да» своему бытію, уже не жертва даже, по радости служенія своему я, лучшему въ немъ, наиболѣе личному—своему солнцу—идеалу.

Соціалдемократія мало разглагольствуетъ по поводу этого временнаго нашему «введенію въ исторію» присущаго противорѣчія. Соціалдемократія есть какъ разъ выраженіе стремленія нашей эпохи впередъ, стремленія, въ которомъ энтузіазмъ сознательнаго борца за будущее, въ какія бы скромныя на видъ формы онъ ни отливался, заливаетъ всѣ трещины сердца, порожденныя уродствомъ нашей полукультуры.

Какъ подойти къ этому вопросу кадетскому философу культуры? Ощупывая, нѣтъ ли гдѣ слабыхъ мѣстъ въ научномъ соціализмѣ, какъ системѣ цѣнностей, онъ надѣется (робко), что нашелъ одну—пренебреженіе личностью во имя общаго, во имя вида. А вѣдь буржуазія во всѣхъ ея видахъ—индивидуалистична прежде всего. Человѣкъ, всякій человѣкъ (даже добрая половина пролетаріевъ), еще мѣщанинъ и любитъ мечтать о себѣ, какъ хозяина своей судьбы, господинѣ у себя въ домѣ, и отъ государства, общества, партій требовать услугъ, по крайней мѣрѣ обмѣнныхъ услугъ за платежъ налоговъ,

исполненіе обычаевъ, службу классу. Человѣкъ воспитывался на индивидуальномъ хозяйствѣ, въ разной степени, конечно, но онъ живетъ еще въ клѣткѣ своего плотскаго я, своей психофизической особи, и неужели на этомъ нельзя построить мудрую религію личности? Можно. Можно сдѣлать это съ Штирнеровскимъ, крутомѣщанскимъ нигилизмомъ, можно сдѣлать это съ артистическимъ, лавино-хищнымъ аристократизмомъ Ницше, можно пытаться найти что-то среднее между соціализмомъ и индивидуализмомъ, беря то и другое въ разныхъ дозахъ, какъ это дѣлаютъ всякіе анархисты. Все это порожденія буржуазной идеологіи. Но со Штирнеромъ не построишь всенародной партіи, не внушишь принциповъ дисциплины, «партійнаго патріотизма», который такъ восхищаетъ г. Милюкова и такъ нуженъ кадетамъ. Съ Ницше не увлечешь демократію. Приблизиться къ анархистамъ? Бѣда отъ ихъ рѣшительности. Но, конечно, въ концѣ концовъ, буржуазные идеалы демократическаго попика всегда ближе всего будутъ къ анархизму, только болотному, домашнему, ожирѣвшему.

Да, надо возвеличить индивидуальность. Этого требуетъ и собственное я интеллигента и условія борьбы. Ужъ если чѣмъ можно перекозырять коллективизмъ, такъ это расцвѣченнымъ и раззолоченнымъ индивидуализмомъ.

Но у насъ идетъ революція, жертвы нужны, дисциплина нужна, важно пѣть хвалы и «культурѣ». И вотъ вопросъ, какъ примирить культуру и индивидуализмъ во времени и пространствѣ? Прежде всего во времени: жертвовать ли успѣхами культуры ради неприкосновенности личности или наоборотъ? Послушаемъ Струве и Франка, отправившихся за золотымъ руномъ. Прежде всего, слѣдуя совѣту Ницше, который рекомендовалъ приватъ-доцентамъ идеалистамъ говорить, какъ можно больше высокихъ словъ и производить возможно больше «бумъ-бумъ» — оба аргонавта пускаются въ священный танецъ и въ экстазѣ мистически возглашаютъ непзрѣченное:

«Какъ культура, такъ и личность заимствуютъ свою цѣнность изъ своей внутренней имманентной связи съ абсолютной святыней—духомъ и его идеалами. Преклоняясь передъ духомъ, передъ священнымъ и неугасимымъ пламенемъ высшей правды, мы должны почитать культуру — отблескъ и зарю этого пламени на землѣ, и мы должны уважать личность, человѣческую душу—единственную хранительницу на землѣ искръ того же священнаго пламени. Поэтому, задача личности—творить культуру, озарять землю свѣтомъ идеала; а задача культуры—беречь личность и обезпечить ей просторъ

и неприкосновенность ради того, что лишь въ ней живетъ духъ, горящій правдой и творящій ее на землѣ».

Далѣе идетъ ихъ «демократизмъ» и въ томъ же идеалистически-мистическомъ тонѣ:

«Всякая человѣческая личность, какъ таковая, есть абсолютная цѣнность. Къ каждому человѣческому существу мы должны относиться, какъ къ внѣшней оболочкѣ или физико-психологическому проявленію высшаго трансцедентнаго начала — того духа, который для насъ есть святыня. Отсюда вытекаетъ идея равноцѣнности всѣхъ людей. Никто не будетъ спорить, что Шекспиръ и Пушкинъ въ культурномъ отношеніи выше будочника Мымрецова, что за одного Пушкина можно было отдать много Мымрецовыхъ и не остаться въ накладѣ. И все же, чтобы взростить Пушкина, мы не имѣли бы права убить Мымрецова. Оба они суть человѣческія личности!»

А, напр., чтобы освободить отъ казни Пушкина? Ежели, напримѣръ, Пушкинъ будетъ въ петлѣ качаться, но за то Мымрецовъ будетъ дома чай пить и разсказывать: «А мы, Малаша, сегодня Пушкина вѣшали, стихотворъ былъ!.. Изъ революціонеровъ!» Или Пушкинъ будетъ возвращенъ жизни, а... дѣтки Мымре-

цова такъ и не дождутся своего тятьку къ чаю, а Маланья будетъ говорить про нѣсколько дней: «и пенсію то за моего подлеца какую дали! Вотъ что значитъ за правду живота рѣшиться!».

Но почему же Пушкинъ и Мымрецовъ? А если, напр., нашествіе внутреннихъ турокъ въ карательныхъ цѣляхъ на село Терпѣлово? Да не подымется рука твоя, Микула Селяниновичъ, на корнета Взбутетенева-Надругайлова, ибо онъ святая личность человѣческая, феноменальное проявленіе вѣчнаго духа и горней правды, но да скинешь порты свои—обнажишь необходимое, и радъ будь ежели собственную душу твою, хотя бы оплеванную и обгаженную отпуститъ на покаяніе.

Ты усумнился, Микула Селяниновичъ? Странно читать эти строки «Полярной звѣзды» подъ портретомъ «Маріи»! Но слушай пророковъ выспренняго равенства.

> «Стоитъ только отказаться отъ этого начала, и нѣтъ уже болѣе никакой остановки на пути превращенія человѣка въ средство. Для тѣхъ, кто не признаетъ святости человѣческой личности, вопросъ объ употребленіи человѣческаго мяса есть въ концѣ концовъ такое же дѣло вкуса, какъ вопросъ объ употребленіи конины или яденіи улитокъ».

«О ужасъ, ужасъ, ужасъ!» Какъ говоритъ Пополани въ оперетѣ «Синяя борода»! Провидцы будущаго, не видите ли вы уже въ недалекомъ грядущемъ, какъ максималисты, ковыряя въ зубахъ, говорятъ: «А вкусные окорока были у этого губернатора!» Не кажется ли вамъ, однако, что тѣ, кто думаютъ, будто имѣютъ право «устранить Мымрецова», дѣйствуютъ такъ во имя своеобразнаго представленія о святости личности? Да, свята личность. Но тамъ, гдѣ идетъ война, и звѣрская орда, захватившая власть, топчетъ эту личность въ кровавую грязь, тамъ проповѣдь непротивленства, тамъ сама заповѣдь «не убій!» есть потворство разбойникамъ!

Но пока дѣло шло у нашихъ этиковъ только объ относительныхъ правахъ отдѣльной личности, но какъ быть съ самымъ кивотомъ завѣта, съ культурой?

> «Всякое массовое творчество культуры, всякое стремленіе къ прогрессу помощью совокупныхъ усилій многихъ разсматриваетъ и необходимо должно разсматривать отдѣльную личность, какъ средство и орудіе своей задачи. Ни одно великое дѣло на землѣ не осуществляется безъ жертвъ, и жертвы эти—тѣ самыя личности, которыя нравственное чувство велитъ считать неприкосновенными и высшими святынями».

О, бѣдныя кадетскія души! Итакъ, эта двойственность неустранима. Стульевъ два. Когда передъ кадетомъ два стула, онъ старается сѣсть на оба или между ними.

«Человѣчество никогда не откажется, не можетъ и не должно отказаться отъ общественной дѣятельности, отъ преслѣдованія отдаленныхъ идеаловъ цѣною жертвъ многихъ поколѣній; и, съ другой стороны, человѣчество также не можетъ и не должно отказаться отъ принципа уваженія къ человѣческой личности. Что лучше—трудиться для идеала, грѣша, или быть святымъ, отказавшись отъ его осуществленія? То и другое плохо—то и другое не можетъ насъ удовлетворить. Нравственное чувство велитъ намъ найти исходъ, равно далекій отъ обѣихъ крайностей.

Надо сказать прямо—какъ бы это ни было тяжело для людей, ищущихъ абсолютныхъ руководящихъ началъ въ практической морали: принціальнаго рѣшенія дилеммы здѣсь быть не можетъ, по крайней мѣрѣ, въ реальной морально-общественной обстановкѣ современности и обозримаго для насъ будущаго».

И между стульевъ не поставишь третьяго и на оба не сядешь. Почесывая затылки, мудрецы объявляютъ неразрѣшимою антиномію, лежащую «въ самой ос-

новѣ нашей нравственной жизни». Не трудно, однако, было бы догадаться, что лежитъ она въ неустройствѣ соціальной жизни.

Но собравшись съ силами, мудрые мужи рѣшаютъ, что надо сидѣть то на томъ, то на другомъ, какъ тебѣ сердце скажетъ.

«Руководясь постояннымъ стремленіемъ прибѣгать въ своихъ дѣйствіяхъ только къ совершенно неизбѣжному минимуму насилія,—гдѣ возможно, будемъ предпочитать пути насилія и давленія путь свободнаго убѣжденія и воспитанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не продадимъ судьбѣ своихъ великихъ идеаловъ за полное спокойствіе и незапятнанность своей совѣсти. Есть случаи, когда даже пролитіе крови, оставаясь грѣхомъ, становится нравственной обязанностью; и есть другіе случаи, когда самый серьезный общественный интересъ не можетъ оправдать даже чисто моральнаго неуваженія къ человѣческой личности. Кто ищетъ точнаго и незыблемаго правила для всѣхъ положеній и условій жизни, тотъ будетъ безпомощно блуждать отъ одной крайности къ другой; здѣсь можетъ рѣшать лишь живой и не сводимый ни къ какимъ формуламъ духъ морали, а не буква принципа».

Ну стоило ли огородъ городить? Предоставили все самому человѣку, а брались руководить! Гдѣ можно, избѣгай пути давленія, но не ищи и «незапятнанности». Послѣ этого жалкаго вывода остается лишь порѣзче выругаться, что и производится упоминаніемъ про

> «Нетерпимое и безпринципное*) якобинство, которое въ борьбѣ за свой идеалъ не хочетъ считаться ни съ какими моральными правами чужого мнѣнія, чужой вѣры и свободы, если они стоятъ поперекъ его дороги».

Объ одномъ не подумали мудрецы, что тамъ, гдѣ чувство сильно, гдѣ накипѣлъ страстный протестъ противъ дѣйствительности и страстная любовь къ идеалу, тамъ, гдѣ люди большіе, страсти большія, мысли большія, тамъ духъ живой морали, отнюдь не сдавленной буквой принципа и не замѣненной ею, быстро убѣждается въ необходимости частаго примѣненія «пути насилія и давленія», а въ критическія эпохи, въ моментъ борьбы выдвигаетъ ихъ окончательно на первый планъ. Для труса неизбѣжный минимумъ насилія равенъ нулю, для тряпичнаго интеллигента, для наблюдателя, маклера,

---

*) Такъ вѣдь это вы же признали принципы тутъ недопустимыми? свою позицію безпринципной?

Милюкова—онъ очень ничтоженъ, но для революціонно-мыслящаго пролетарія?

Зная, что рядомъ съ нами живутъ люди, горькая обида которыхъ, горячій темпераментъ, стремительная любовь—заставляетъ ихъ прибѣгать къ насилію и тамъ, гдѣ оно безполезно,—мы можемъ стараться соціологическими, историческими и тактическими аргументами разсѣять это заблужденіе, но выдвигать противъ нихъ столь убогую мораль, которая даетъ лишь двусмысленный отвѣтъ, или пугать ихъ неминучей метаморфозой ихъ въ каннбаловъ,—какимъ бы это было стыдомъ, если бы это не было ребячествомъ.

Господа кадеты не продадутъ своихъ идеаловъ за полное спокойствіе. Ради идеала можно и нѣкоторое безпокойство принять. Но вспомните ваши слова: ни одно великое дѣло не осуществлялось безъ жертвъ. Тотъ, кто чувствуетъ влеченіе, родъ недуга «къ минимуму насилія», тотъ легко подмѣняетъ великое дѣло, тотъ легко отдастъ коня за корову, корову за овцу, овцу за гуся, гуся за камень, какъ въ извѣстной сказкѣ. Правительство, правда, сейчасъ не склонно давать гуся за паршивую овцу изъ стада кадетовъ. Но кадетъ готовъ бы помириться на гусѣ. Что порождается, что порождаетъ? Мелкость ли идеала, непосредственно осуществимаго, буржуазная ли ограниченность и трусость передъ

пролетаріатомъ порождаетъ тряпичную мораль кисло-сладкаго Гредескула, или воздыхающую неопредѣленность франко-струвской культуры, или тряпичная натура русскаго либерала не можетъ родить ничего кромѣ программной мыши? Тугь круговороть: они идеалисты миротворцы, потому что классовыя цѣли ихъ жалки, ихъ цѣли жалки, потому что они жвачные люди.

«Мы не потому не беремся за браунинги, чтобы мы были трусы, говоритъ професоръ Гредескулъ, а потому, что вѣримъ въ силу права». Когда ерши слышатъ такія рѣчи, имъ, дѣйствительно, кажется, что недурно бы ткнуть иглой идеалиста въ брюхо.

Вѣдь вогъ вѣрять же въ свои «слова». Ужъ отъѣла щука хвостъ, а уповаютъ. Чѣмъ была бы ваша сила права, милые, если бы не двѣ силы, о которыхъ сладко думаетъ Милюковъ,— «безсильная революція» съ ея непріятностями и туго затянутый французскій мѣшокъ!

О велеречивые, почти иже во святыхъ Евгенію преподобному Трубецкому равные, какъ забавно было васъ наблюдать, когда сей святитель отмѣтилъ: «Кадеты съ удовольствіемъ пользуются результатами преступныхъ дѣяній!».

Какое пошлое шушуканье: «И вы, князь, пользуетесь и мы пользуемся... И вы расшаркиваетесь, и мы рас-

шаркиваемся, вы вопіете и въ сторону отходите и ручки ваши бѣленькія умываете, и мы умываемъ!».

Примиреніе личности и культуры во времени не вышло, вышло ни черту кочерга, ни богу свѣчка. Но надо еще примирить и въ пространствѣ.

Не очень рѣшительно, но достаточно тонко соціалистамъ навязывается идеалъ абсолютной власти цѣлаго надъ личностью. Доказательство?

А вотъ оно:

«Человѣчество должно отъ соціальной анархіи перейти къ соціальной организаціи — говоритъ Марксъ—и этотъ переходъ будетъ величайшимъ всемірно-историческимъ событіемъ, послѣ котораго только и начнется истинная исторія, тогда какъ нынѣшнее состояніе есть лишь прелюдія къ ней, до-историческая эпоха въ жизни человѣчества».

Представляетъ ли изъ себя соціальная организація непремѣнно рабское подчиненіе индивидуальнаго общему? О, оба господа кадеты съ развязнымъ видомъ проходятъ дальше, дѣлаютъ видъ, что не слышали вопроса и продолжаютъ.

«Надо признаться открыто: если для осуществленія культурнаго прогресса необходимо организовать человѣчество, установить безусловную планомѣрность въ движеніи соціальнаго механизма,

и если это средство имѣетъ абсолютное значеніе и не ограничивается никакими иными цѣнностями и мотивами, то единственнымъ цѣлесообразнымъ строемъ долженъ быть признанъ не демократическій, а только аристократическій деспотизмъ, безграничная власть лучшихъ и умнѣйшихъ надъ толпой. Никакая демократія не можетъ обезпечить той стройности и планомѣрности функціонированія соціальнаго механизма, которыя были осуществлены, напр., іезуитами въ Парагваѣ на почвѣ абсолютнаго порабощенія управляемыхъ. Эта мысль блестяще и, можно сказать, навѣки разъяснена «Великимъ инквизиторомъ» Достоевскаго».

Какая грація! «Мы знаемъ, вы хотите абсолютной планомѣрности въ движеніи соціальнаго механизма!»

—«Позвольте, мы хотимъ лишь возможно большей планомѣрности въ экономическомъ механизмѣ, въ массовомъ производствѣ и распредѣленіи!

—«Пустяки, мы знаемъ, что вы скажете—вы не ограничиваете эту абсолютную для васъ цѣнность ничѣмъ».

—«Простите, это не абсолютная цѣнность, это лишь фундаментъ культуры, организація освобожденія человѣка отъ рабства нужды.

—«Вздоръ! Вы должны быть довольны великимъ инквизиторомъ!»

Побѣдоносно!

Но, дорогіе рыцари культуры, каковъ вашъ собственный планъ? Ваша вѣра, вашъ идеалъ?

> «Въ качествѣ идеала общественнаго устройства, приспособленнаго къ культурному прогрессу, для насъ вырисовывается не деспотизмъ—все равно демократическій или аристократическій,—а общежитіе, строй котораго тонко и тщательно приспособленъ къ равновѣсію между общественной организаціей и свободой личности».

Очень тонко. А про демократическій деспотизмъ кому-то не въ бровь, а въ самый глазъ. Кому бы только? Или такъ-таки просто мимо Сидора въ стѣну?

Г. Струве основателенъ. Культурная побѣда, одержанная имъ вкупѣ съ Франкомъ надъ марксизмомъ не показалась ему окончательной. Оглянувшись назадъ, онъ замѣтилъ, что поверженный врагъ, какъ будто шевелится во прахѣ, и онъ вернулся, чтобы приколоть его въ № 8 Пол. Звѣзды уже solo.

Теперь онъ черпаетъ глубже, этотъ великій изслѣдователь глубинъ. Слушайте. «Есть два соціализма. Или вѣрнѣе то, что называютъ соціализмомъ, колеблется между двумя полюсами. Въ одномъ соціализмѣ идейною

сущностью является подчиненіе личности цѣлому: личность есть средство, общество—цѣль. Въ другой концепціи соціализма, цѣлью и вѣнцомъ является личность, общество же есть лишь средство осуществленія цѣлей личности. Первый типъ есть соціализмъ принципіальный, философскій.

«Огромное же большинство «соціалистовъ», «коммунистовъ», «коллективистовъ» или вовсе не задумывалось надъ философскими основами своихъ практическихъ идей (это особенно характерно для, такъ называемаго, научнаго соціализма) или во всякомъ случаѣ не додумывалось до ихъ осново-началъ. Идею соціализма этихъ соціалистовъ мы вынуждены выводить изъ общаго духа и основного смысла ихъ ученій.

Въ результатѣ философскаго смотра разныхъ соціалистическихъ доктринъ можно установить, что въ основѣ большинства ихъ лежитъ вовсе не философскій соціализмъ, а, наоборотъ, идея индивидуалистическая, идея верховной цѣнности личности и служебнаго значенія соціальнаго организма».

Вотъ те на! А съ Франкомъ то вмѣстѣ вы расправлялись съ демократическимъ деспотизмомъ! Зачѣмъ же,

неужто это вы, подобно гіенамъ, шевелили могилу покойнаго «философскаго соціализма».

Но дальше:

«Чистая идея индивидуализма не только загрязнилась, но и затерялась, попавъ въ руки апологетовъ капитализма, защитниковъ экономическаго и политическаго господства буржуазіи. По большей части и эти индивидуалисты были такими же грубыми матеріалистами, какъ и ихъ противники. Когда идея, такъ называемой, «экономической свободы», т. е. практическіе выводы хозяйственнаго индивидуализма, были подорваны критикой соціалистовъ и соціальныхъ реформаторовъ, когда идея и практика государственнаго невмѣшательства въ экономическую жизнь капитулировала передъ «соціальной политикой»,—въ этотъ кризисъ индивидуализма, какъ практическаго направленія политико-экономической мысли, была вовлечена и философская идея индивидуализма».

Разберись, кто можетъ. Чистая идея индивидуализма капитулировала передъ соціализмомъ. А соціализмъ самъ въ основѣ имѣлъ «идею верховной цѣнности личности». Стало быть, какъ же? Это не капитуляція индивидуализма, а лишь воскресеніе въ новой формѣ? Онъ

загрязнился и затерялся въ рукахъ апологетовъ капитала, а у соціалистовъ онъ легъ въ основу ихъ идеала.

Да, конечно, капитулировалъ не философскій индивидуализмъ, а буржуазный передъ другимъ соціалистическимъ индивидуализмомъ. Но легче ли отъ этого Струве?

Пусть индивидуализмъ не потерялъ, а выигралъ отъ капитуляціи, но вѣдь и у соціалистовъ онъ ни къ чорту не годится, т. к. онъ «принципіально не выдержанъ и насквозь проникнутъ самымъ грубымъ матеріализмомъ и гедонизмомъ» и кромѣ того обезцѣниваетъ политическую свободу въ своей некультурной борьбѣ противъ либерализма.

Опять Струве копается въ могилахъ. Вѣдь современный соціализмъ и не думаетъ обезцѣнивать политическую свободу. Но г. Струве уже не слышитъ. Въ сущности, ему не такъ важно отношеніе соціализма къ политической свободѣ, какъ тотъ фактъ, что соціализмъ не даетъ личности возвышенно метафизическаго толкованія, не вкладываетъ въ нее угоднаго г-ну Струве спиритуалистическаго содержанія.

Вотъ въ чемъ дѣло. Какой, однако, противорѣчивый этотъ соціализмъ. Онъ проникнутъ идеей верховной цѣнности личности, но эта верховно-цѣнная личность понимается «въ самомъ грубомъ смыслѣ». Въ то же вре-

мя, понимая ее такъ грубо, соціализмъ зоветъ ее къ самоотверженному служенію всечеловѣческой культурѣ. Странно. Но все хорошо, что хорошо кончается.

> «Въ самое послѣднее время могучій духъ Ницше встряхнулъ философскую мысль и далъ почувствовать, тто эклектическая кашица изъ соціализма и индивидуализма могла быть потребляема только въ состояніи умственныхъ просонковъ».

Теперь перечтите, читатель, формулу общественнаго идеала, созданную Струве съ Франкомъ, и подумайте можетъ ли быть больше сходства, чѣмъ представляемое сю, съ кашицей изъ соціализма и индивидуализма.

Мы совершенно убѣждены въ томъ, что хоть могучій Ницше встряхнулъ г. Струве и напомнилъ ему объ антиподѣ Кантѣ, онъ навсегда осужденъ питаться эклетической кашицей и никогда не перейдетъ къ твердой пищѣ, о которой писалъ ап. Павелъ.

«Философскій соціализмъ», о которомъ всуе упоминаютъ и Франкъ и Струве, отжилъ свое время, этатизмъ чуть ли не въ Гоббзовской формѣ, чуть не поклоненіе Левіафану, чуть не требованіе регламентаціи каждаго шага личности, все это теперь неуклюжій вздоръ, который носятъ въ своихъ головахъ вульгарные анархисты и буржуазные соціалистоѣды. Съ опредѣленно-

стью, не оставляющей желать большаго, Энгельсъ указалъ на то, что государство, какъ организація власти однихъ классовъ надъ другими немыслима въ безклассовомъ соціалистическомъ обществѣ. Это вотъ г. Струве старался доказать, еще въ бытность его полумарксистомъ, что государство есть организація порядка. Порядокъ, въ особенности въ области производства, а также общественной гигіены, путей сообщенія и т. п. можетъ быть осуществленъ не властью, а просто подконтрольными довѣренными лицами на началахъ наибольшей научной цѣлесообразности. Ученые всегда будутъ желанными экспертами по вопросамъ ихъ спеціальностей, но отсюда далеко до идеи власти академіи; къ чему власть тамъ, гдѣ естественный авторитетъ коренится на знаніи. «Скажи мнѣ, сынъ Бернгарда», говоритъ Сократъ: «Когда ты шьешь сапоги, обращаешься ли ты къ хорошему сапожнику или къ дурному? И долженъ ли хорошій сапожникъ обладать властью надъ тобою, чтобы заставить тебя носить хорошую и крѣпкую обувь, а не гадкую и гнилую?» Правда, Струве и Франкъ задаютъ премудрый вопросъ: «Гдѣ гарантія, что массы пойдутъ по вѣрному пути»? Гарантія, друзья кадеты, въ томъ, что каждый хочетъ блага, а не зла, и въ широкой образованности массъ, которую принесетъ съ собою соціализмъ.

Значитъ ли это, что изъ двухъ соціализмовъ, открытыхъ Струве, научный соціализмъ, дѣйствительно, стоитъ на точкѣ зрѣнія, съ которой общественный порядокъ является лишь служебнымъ по отношенію къ личности? Вовсе нѣтъ. Сама мудрость кадетская ходила вокругъ и около неразрѣшимой антимоніи: личность для культуры, культура для личности. Эта антимонія существуетъ въ современномъ обществѣ, существовала почти во все время исторіи человѣчества, но она перестанетъ существовать при соціализмѣ, т. к. тамъ, и вовсе не изъ метафизическихъ основаній, а вслѣдствіе зависимости человѣческой психики отъ формъ быта—человѣкъ найдетъ себя, какъ общественное существо, и его я перестанетъ отдѣляться отъ его мы, не входя съ нимъ ни въ какія болѣзненныя столкновенія. И уже теперь соціально-неустранимая антимонія является психологически устраненной для пролетарія, личность котораго вполнѣ и всецѣло находитъ себя, какъ члена своей партіи. Психологически, умирающій за дѣло своего класса, за дѣло человѣчества борецъ, жертвой себя не чувствуетъ.

Но та точка зрѣнія, по которой «священная личность» мѣняетъ свой психическій строй въ зависимости отъ условій своей соціальной среды и положенія своего въ ней—кореннымъ образомъ чужда идеалистамъ. На нее они стать не могутъ, ибо она, ни на минуту не при-

нимая эмпирической личности и ея относительной цѣнности, разлагаетъ мэтемпирическую, вѣчную личность, всѣ вопросы она ставитъ соціально, человѣчество разсматриваетъ, какъ коллективное цѣлое, вмѣсто морали выдвигаетъ политику, вмѣсто метафизики — экономику. Матеріализмъ—смерть необуржуазнаго индивидуализма, въ которомъ буржуазія думаетъ идейно окопаться отъ могучаго натиска пролетарской идеологіи. Не въ «философскомъ соціализмѣ» дѣло, никто не приглашаетъ стать на его точку зрѣнія, дѣло не въ приниженіи личности, не въ забросѣ ея, т. к. благоустроенная общественная жизнь, конечно, отражается полнотой существованія индивидовъ, а именно, въ уничтоженіи научнымъ соціализмомъ индивидуалистической метафизики, на привлекательность которой для мѣщанина кадетскіе звѣздочеты какъ разъ и разсчитываютъ.

Но если Струве не можетъ стать на нашу точку зрѣнія, не можетъ даже ее понять (или притворяется, что не можетъ), то онъ никогда не пожелаетъ стать и на рѣзко индивидуалистическую точку зрѣнія, ибо она или вовсе аполитична, или кореннымъ образомъ аристократична, а вѣдь г. Струве конституціонный демократъ.

Кушайте же кашу, г. Струве

Коснусь еще одного характернаго на мой взглядъ литературнаго эпизода.

Г. Струве, вполнѣ приспособившись къ роли коллежскаго регистратора на службѣ третьяго сословія, не хуже любого кадета умѣетъ извиваться и нагибаться низенько, чтобы пройти Кавдинскія ворота, но онъ философъ. Философъ въ истинно-буржуазномъ смыслѣ этого слова. Онъ долженъ придумывать Бога своему Лампе, а русскій Лампе по грубости своей думаетъ, что Богъ ему вовсе не нуженъ.

«Г. Набоковъ, поговоримте о богѣ».—«Э, батенька время ли? Мы у руля, путь идетъ зигзагами, а вы съ пустяками». Есть, конечно, среди кадетовъ свои Гредескулы, но въ общемъ мало, мало цѣнятъ пока кадеты философскія старанія г. Струве.

«Вѣдь я чего хочу»! восклицаетъ, вѣроятно, онъ про себя: «я хочу, чтобы у насъ и философія была и все, какъ у людей»! Сочувственно покачиваютъ головами г.г. Бердяевъ и Булгаковъ. Они тоже признанные варители метафизическаго мура для помазанія на царство мѣщанина. «Да, эти кадеты, они черезчуръ свѣтскіе, штатскіе, духовности никакой нѣтъ. Выдохнется, пожалуй, среди нихъ изъ Петра Струве духовность и останется одна регистратура при немъ!» И язвятъ. Дружески язвятъ. Г. Бердяевъ уязвилъ фельетономъ о «Жирондѣ» а самъ Булгаковъ въ собственномъ домѣ г. Струве въ самой «звѣздѣ».

Статья Булгакова въ № 13 журнала Струве «Религія и политика»—прелюбопытная статья. Прежде всего г. Булгаковъ раздѣляетъ, пользуясь своей терминологіей партіи на безыдейно политиканствующія и истинно-культурныя.

Онъ говоритъ:

«Политическія цѣнности, которыя руководятъ политической дѣятельностью людей, не представляютъ или, точнѣе, не должны представлять собой высшихъ, самостоятельныхъ и самодовлѣющихъ цѣнностей. Самостоятельностью политическихъ цѣнностей характеризуется лишь безыдейная политика, руководимая интересомъ, личнымъ или классовымъ, какъ непосредственнымъ выраженіемъ личнаго или группового эгоизма. Такая политика, лишенная всякаго идеала и основывающаяся на низшихъ, грубыхъ инстинктахъ природнаго человѣка, конечно, чужда всякой религіи (кромѣ культа своего чрева), и трудно вообще говорить объ этической или религіозной, вообще высшей цѣнности такой политики.

Въ противоположность этой классовой эгоистической политикѣ, идейная политика, руководимая опредѣленнымъ идеаломъ, не представляя са-

мостоятельной цѣнности, является средствомъ для служенія идеалу, вдохновляется высшей, не политической, но этической или религіозной цѣнностью. Отсюда она черпаетъ свой энтузіазмъ, свой паѳосъ, свою духовную мощь. Моментъ идеологическій представляетъ собой, стало быть, совершенно реальную силу, ибо что можетъ быть реальнѣе воодушевленія идеаломъ».

Конечно, недостаточно знакомый съ г. Булгаковымъ читатель подумаетъ, что узкоклассовой партіей въ его глазахъ является партія соціалдемократическая. Мало ли нѣлось про ея грубый матеріализмъ, гедонизмъ, корыстно-классовой эгоизмъ и т. п. Религіозная же партія, конечно, кадетская, недаромъ Струве такъ старательно, нахлобучиваетъ ее высокимъ колпакомъ нѣмецкаго идеализмъ.

Не тутъ-то было! «Можно представить себѣ два типа партійнаго единенія: въ одномъ случаѣ оно происходитъ на почвѣ общаго міровоззрѣнія, такъ сказать, на программѣ максимумъ, или иначе на полномъ единовѣріи—таковы обѣ наши соціалистическія партіи,—не принимая въ надлежащее вниманіе этого обстоятельства, нельзя понять ихъ дѣятельности и надлежаще оцѣнить ихъ вліяніе на жизнь».

Второй типъ партійнаго единенія единовѣрія не требуетъ, мирится съ религіознымъ разновѣріемъ, если только разныя вѣры эти приводятъ къ практическому единогласію, признанія очередныхъ историческихъ требованій, формулируемыхъ въ программѣ партіи. Иногда это равнодушіе къ религіозному разномыслію протекаетъ просто изъ безыдейности партіи, движимой своекорыстіемъ и прикрывающейся лишь тѣми или другими девизами. Но такая терпимость вполнѣ искренно можетъ быть возведена въ принципъ, такъ что партійное единеніе опирается только на тождество практической программы. Въ сущности, при такой принципіальной безпринципности каждый членъ представляетъ собой какъ бы отдѣльную партію, опирающуюся на полную программу-максимумъ и объединяющуюся съ другими на общемъ практическомъ блокѣ: это федерація автономныхъ и, до извѣстной степени, разнозаконныхъ штатовъ. Такова въ настоящее время конституціонно-демократическая партія, которая не спрашиваетъ приходящаго въ нее: како вѣруеши, требуя лишь признанія своей программы и, подобно императорскому Риму, давая мѣсто въ своемъ пантеонѣ всѣмъ культамъ.

И далѣе:

«Разъ нужно выходить за предѣлы гостиныхъ и итти къ народу, интеллигентскій индивидуализмъ обезсиливаетъ и вредитъ, атомистическая совокупность должна превратиться въ болѣе полную, истинную соборность, имѣющую одну душу и одну проповѣдь, ибо вѣдь къ народу нужна проповѣдь. Какую же общую проповѣдь, т. е. отъ имени партіи, могутъ произнести атеистъ и священникъ, раввинъ и мусульманинъ и т. д.? Вѣдь одно изъ двухъ: или для того, чтобы проповѣдь могла быть дѣйственна и полна энтузіазма, проповѣдникъ долженъ вложить въ нее всю свою вѣру, изложить всю свою религію и вылить, какъ выводъ изъ нея, дѣйствительную программу партіи,—но тогда, очевидно, партія распадется. Или каждый долженъ ограничиться лишь проповѣдью практической программы. Но не будетъ ли она страдать тѣмъ практицизмомъ, приурочиваться лишь къ низшимъ практическимъ интересамъ, какъ среди безыдейныхъ, грубо классовыхъ партій?

Вѣдь то, что для самого проповѣдника или агитатора есть выводъ изъ его общаго міровоззрѣнія, идеаловъ болѣе широкихъ и отдаленныхъ, онъ будетъ сообщать только въ обезкрыленномъ видѣ,

доказывая практичность, выгодность этихъ требованій. И какъ бы ни была искренна, трезва и реальна эта проповѣдь, палка будетъ вышиблена изъ рукъ первымъ ударомъ меча, когда рядомъ съ этой практической и трезвой проповѣдью въ головы вступаетъ политическій хмѣль соціальнаго утопизма, широкихъ перспективъ».

О, не думайте, что г. Булгаковъ по старой марксистской памяти такъ хорошо доказалъ низменность и культурную слабость кадетовъ передъ лицомъ соціалдемократіи. Ее онъ ненавидитъ въ качествѣ христіанскаго соціалиста. Безсознательно служа буржуазіи, г-нъ Булгаковъ выбралъ себѣ христіанскую ливрею и шипитъ:

«Какъ бы ни было велико сходство и близость между практическими программами и требованіями атеистическаго и христіанскаго соціализма, между ними существуетъ наибольшая полярность и непримиримая противоположность,—должна итти борьба, какая идетъ между Христомъ и Антихристомъ».

Соціализмъ у г. Струве и у г. Булгакова—одинаковый, вродѣ другого Юрія Милославскаго, который ужъ Хлестаковъ написалъ. Г. Булгаковъ хочетъ бороться

«во имя этой вѣры, и идеалъ демократіи и соціализма (которые, конечно, въ христіанскомъ

ихъ пониманіи не имѣютъ ничего общаго съ атеистическимъ соціалдемократизмомъ)».

Но если незабудка тутъ болѣе для шутки, зато смыслъ басни разный, ливреи иныя. Которая лучше —пусть спорятъ, а вотъ критика Булгакова болѣзнена для Струве. Его тусклая философія не скраситъ ни въ чьихъ глазахъ безыдейность кадетской партіи. Струве защищался, но защищался крайне слабо. Да, философія буржуазіи способна еще приносить кое-какой вредъ, вродѣ Риккертовскаго дуализма, долженствующаго убить соціологію, какъ науку, но принести пользу даже своему классу она не можетъ, убога она, холодна, какъ плохо разогрѣтый вчерашній обѣдъ, кашица это, которую не захочетъ ѣсть народъ, а въ немъ то и сила. Въ политикѣ г. Струве все отдалъ за то, чтобы быть практикомъ, но его практическая хитрость оказалась младенческой и привела только къ смѣшнымъ вензелямъ его политическаго пути. Свою полную, ползучую практичность хотѣлъ онъ сдобрить, указуя на звѣздное небо метафизическихъ цѣнностей, но посторонніе видятъ ясно, что это только плохая роспись потолка въ кадетской храминѣ, которой сами хозяева не придаютъ значенія.

Г. Бердяеву можно только, г. Струве.

Мнѣ тоже.

Господинъ Родичевъ, или о вредѣ ораторскаго искусства.

«Пріятно говорить длинными, и искусно округленными періодами, украшая ихъ рѣченіями пышными и важными» говоритъ Цицеронъ.

Еще пріятнѣе говорить такъ, что «лицо въ крови, глаза горятъ, самъ плачешь, и кругомъ рыдаютъ».

Языкъ данъ человѣку, чтобы скрывать свои мысли. Ораторскій языкъ для того, чтобы скрывать хотя бы и отсутствіе мысли пламенными рѣчами страсти, душистыми фіалками искренности, лиліями прекраснодушія, иногда и шипами язвительности. Неправъ былъ Собакевичъ, когда думалъ, что не станетъ ѣсть лягушку, какъ бы ее ни обсахарили. Тяжеловѣсный обыватель легко можетъ проглотить и лягушку, когда она обсахарена такимъ хорошимъ кондитеромъ, какъ Мирабо-Родичевъ.

Если можно сомнѣваться въ томъ, нуженъ ли кадетской партіи богъ, какой бы то ни было, то никто даже изъ самыхъ практичныхъ Гессеновъ не сомнѣвается, что ей нужны трубы и литавры, а также и сладкогласная свирѣль, а г. Родичевъ принадлежитъ къ

тѣмъ виртуозамъ, которые, дергая ногой за веревку, бьютъ въ литавры, ртомъ играютъ на тромбонѣ, а носомъ на флейтѣ.

Худо только то, что г. Родичевъ истинный музыкантъ. Онъ себя не помнитъ, когда поетъ. Птица-сиренъ! Онъ всегда искрененъ. На томъ стоитъ. «Безъ искренности, братецъ, у меня и тремоло настоящаго въ голосѣ не будетъ, не то что неподдѣльной слезы». Будь г. Родичевъ просто краснобай и вральманъ, такъ и записали бы: у кадетовъ былъ мастеръ заговариванія зубовъ и живописецъ вывѣсокъ Родичевъ, безъ такого мастера и живописца партія съ убогимъ соціально-политическимъ содержаніемъ, партія съ зигзагообразной тактикой не могла обойтись.

Но г. Родичевъ искрененъ и это придаетъ нашему Мирабо черты несравненнаго комизма. Жизнь похожа на трагедіи Шекспира, великое и смѣшное въ ней идетъ рядомъ. Г. Родичевъ при всемъ своемъ своеобразномъ талантѣ, выполнилъ и еще выполнитъ роль комическую. Это мечтательный и простоватый Пьеро кадетской партіи. Мнѣ представляется темой разговора двухъ коренныхъ кадетовъ (вродѣ Гессена и «запонками сверкающаго» Гектора Набокова).

«Годится ли Родичевъ въ партійные обербарабанщики? Мнѣ кажется, онъ слишкомъ увлекается. Бьетъ-

бьетъ въ барабанъ и самъ расчувствуется, слезы по усамъ текутъ и въ роть попадаютъ, а иногда въ пылу вдохновенія онъ переходитъ границы».

«Это ничего. Его, какъ хочешь, поверни. Мыслей у него нѣтъ. Конечно, вложенную въ его грамофонъ мысль онъ можетъ утрировать... но вѣдь надо, чтобы музыкантъ былъ бумъ-буменъ, а Родичевъ - очень бумъ-буменъ».

Самъ Родичевъ вѣритъ въ силу слова. Да и какъ не вѣрить! Какъ Шаманъ, который думаетъ, что можетъ подходящимъ словомъ всегда принудить къ повиновенію суровыхъ боговъ рока, какъ не вѣрить бѣдному Шаману, безоружному передъ лицемъ злыхъ силъ, въ то, что слово есть оружіе, или вѣра можетъ быть гарантіей.

Но г. Родичевъ, какъ ни практично смотрѣли на него коренные, суковатые кадеты, былъ вреденъ партіи. Онъ подчеркивалъ конституціонную любовь партіи къ словесности. Можетъ быть, у нея чаще бывали бы моменты просвѣтлѣнія, сознанія безоружности своей, жажды вооружаться, если бы птица-сиренъ не пѣла своихъ головокружительныхъ, упоительныхъ пѣсенъ во славу совѣсти, чести, всему высокому, всему прекрасному, такъ что не только тихо плакалъ идеалистъ Гредескулъ, не только невольно завидовалъ Щепкинъ, бормоча: «хорошо

поетъ собака, убѣдительно поетъ», но даже суковатые кадеты, жантиломы изъ провинціи и вылощенные политиканы пріобадривались и вооруженные лишь картонными мечами вновь бросались въ атаку на мѣдполобаго Голіафа.

Послушайте рѣчь Родичева на третьемъ съѣздѣ, и пусть «Рѣчь» напомнитъ вамъ и объ ея успѣхѣ.

«Мы должны себя вести, какъ уполномоченные отъ власти. Голосу велѣнія народнаго противиться никто не можетъ. Насъ пугаютъ столкновеніемъ. Чтобы его не было—одно средство: знать, что его не можетъ быть! Сталкивающійся съ народомъ будетъ столкнутъ силой народа въ бездну!..»

«Сильная рѣчь оратора, яркія, гремящія, короткія фразы падали на аудиторію, какъ удары молота, вколачивавшіе мысль въ голову... Долго несмолкаемый гулъ апплодисментовъ прерывалъ оратора, и онъ долго не могъ продолжать рѣчь».

«Мы беремся за плугъ, чтобы провести борозду новой жизни, — кончилъ онъ, — и если намъ въ этомъ помѣшаютъ, мы не окажемся провокаторами... Я кончу клятвой вамъ: Дума разогнана быть не можетъ и Дума сдѣлаетъ свое дѣло!»

Типичный примѣръ того, какъ словами отгораживаются отъ дѣйствительности. Думу разогнали — куда

дѣлись клятвы Родичева? Но это было хорошее, оглушительное «бумъ-бумъ» и поддержало духъ кадетовъ... къ сожалѣнію, не духъ истинно-военный, а лишь вѣру въ себя, которой не должно было быть, ибо задача была въ организаціи народныхъ силъ, а не въ мнимой вѣрѣ въ нихъ, съ крайнимъ нежеланіемъ въ то же время прибѣгать къ помощи Ахерона и самимъ помочь ему выступить изъ береговъ. Но этотъ Мирабо изъ Твери, который клятвой своей хотѣлъ замѣнить увѣренность, который въ экстазѣ даетъ честное слово, что «все будетъ хорошо»—незабвенная фигура политическаго словесника, политическаго шамана... Онъ клялся, что гора пойдетъ къ Магомету. Она не пошла. И теперь, послѣ многихъ происшествій и зигзаговъ, мы увидимъ еще, какъ Магометъ пойдетъ къ горѣ, а г. Родичевъ и тутъ будетъ въ трубу трубить и скакать и плясать передъ ковчегомъ кадетскимъ, несомымъ въ «смѣшанный кабинетъ».

Если не ошибаюсь, первой большой рѣчью Родичева въ Думѣ была рѣчь отъ 13 мая, сказанная въ отвѣтъ на «твердую декларацію» Горемыкина.

Рѣчь начинается минорно. Г. Родичевъ клялся когда-то передъ народной аудиторіей подвергнуть правительство грозному суду, но иныя ноты слышатся теперь

въ скорбныхъ звукахъ трауромъ обвитой флейты тверского виртуоза.

«Господа, съ тяжелымъ чувствомъ вхожу я по этимъ ступенямъ... Мы еще помнимъ тѣ надежды, ту вѣру, съ которыми населеніе посылало насъ въ Думу, мы явились сюда, выражая готовность вѣрить въ возможность работы, направленной къ обновленію страны. Мы ждали, что власть выйдетъ къ намъ навстрѣчу, мы готовы были забыть прошлую дѣятельность людей, въ рукахъ которыхъ была власть, мы готовы были не вспоминать о томъ, что на порогѣ обновленія Россіи власть находится въ рукахъ лицъ, работавшихъ надъ угнетеніемъ страны. Сегодня наши надежды рушились».

Но сладкія надежды погибли. На всепрощеніе отвѣтили плевкомъ, больно ударили прямо по протянутымъ для поцѣлуя губамъ кадетскихъ миротворцевъ. Что же, не призоветъ ли Родичевъ громы народные на голову министерства? Не сдѣлаетъ ли онъ лучше, не отдастся ли онъ весь работѣ организаціи силъ народа? Нѣтъ, онъ знаетъ еще одно карасье слово. Его надежды построены теперь на... совѣсти министровъ. Совѣсть министровъ! Поистинѣ, г. Родичевъ строитъ не на пескѣ, а на... удержусь отъ прямого названія того вещества, которое замѣняетъ гг. министрамъ ихъ совѣсть. Но въ

комедію всемірной исторіи съ грустной усмѣшкой вписала Кліо пронзительную трель Родичевой флейты!

«Не въ законѣ должно быть написано, что министерство, не пользующееся довѣріемъ народнаго представительства, уходитъ отъ власти. (Громъ продолжительныхъ апплодисментовъ). Это положеніе должно быть внѣдрено въ совѣсти государственныхъ людей, принимавшихся за обновленіе страны, и если въ ихъ совѣсти нѣтъ этого сознанія, то писать его въ законѣ безплодно».

Все трогательнѣе и трогательнѣе сердце надрывающая свирѣль:

«Мы идемъ, чтобы обновить Россію. Мы говоримъ: опасность велика, страна ждетъ немедленнаго прекращенія и уничтоженія стараго насилія. Это насиліе вызываетъ, какъ зло за зло, отпоръ и преступленіе. Мы просили прекратить эти преступленія, но наши надежды въ этомъ отношеніи обмануты».

Такъ. Вы ждете, что голосъ Родичева вдругъ грозно поднимется и раскатится зловѣщей фандарой... нѣтъ, флейта всхлипываетъ и замираетъ послѣ торжественно-печальнаго заклятья.

«Министерства, обновляющія страну, должны итти въ согласіи съ народнымъ представитель-

ствомъ. Министры, совѣсть ваша подсказываетъ вамъ, что вы должны сдѣлать: — уйти и уступить мѣсто другимъ. (Оглушительные, очень долго несмолкающіе аплодисменты)».

Но совѣсть ничего не подсказала. О карась, карась! О тотъ самый карась, который любитъ, чтобы его зажаривали въ сметанѣ! Хотите слышать, какъ Родичевъ играетъ на трубкѣ? Онъ и въ Думѣ повторилъ ту пьеску, которая имѣла такой успѣхъ на III съѣздѣ, пьеска подъ заглавіемъ: «Самоощущеніе, маршъ словесниковъ для трамбона соло»

«Вопросъ рѣшенъ. Здѣсь не раздадутся больше голоса за смертную казнь. Но нельзя оставить безъ возраженія мнѣній, которыя въ своемъ основаніи имѣютъ предположенія о безсиліи Думы. Но, господа, сила Думы прежде всего, въ ея собственномъ сознаніи, въ сознаніи долга передъ страной, въ сознаніи, что власть народа и голосъ народа выражены Думой. Физическая сила должна въ концѣ концовъ подчиниться. Мы знаемъ, что, когда мы сказали физической силѣ: удались! — она можетъ пролить кровь, но удержаться она не можетъ. Маловѣріе, господа, неумѣстно. Не намъ задавать себѣ вопросъ, какая судьба постигнетъ наши постановленія. Наши постановленія сдѣлаются за-

комъ. (Апплодисменты). Другого ожиданія и другого убѣжденія быть не можетъ. Мы — законодатели, и противящіеся законодательной власти должны будутъ ей подчиниться только тогда, когда мы ни въ одинъ день и ни въ одинъ часъ не забудемъ, что проявлять эту силу, это значеніе, это —не только право наше, это — обязанность наша. Мы должны помнить, что мы должны быть властны, что мы обязаны ждать и знать, что воля народа, выраженная здѣсь, становится закономъ.»

Да, да: мы должны ждать. Посѣяли слова и ждемъ всходовъ. Подъ Родичевскій маршъ продѣлываютъ извѣстный маневръ: шагъ на мѣстѣ.

Труба Родичева доходитъ до пронзительныхъ нотъ, до якобинскихъ нотъ. Послушайте, какъ отчаянно звонитъ она 2 іюня.

«Господа! вопросъ идетъ о чести русскаго народа, вопросъ о безопасности нашего отечества, ибо въ двадцатомъ столѣтіи среди цивилизованнаго міра не можетъ существовать государственная власть, которая орудіемъ своей дѣятельности избираетъ гражданскую войну. Намъ грозитъ разложеніе. Или прекратятся позорища и распадъ, или Россія существовать перестанетъ. Для насъ это

вопросъ «быть или не быть». То правительство, которое не хочетъ пойти по пути порядка и права, остается у власти и бросаетъ отечество въ опасность. Отечество въ опасности до тѣхъ поръ, пока они у власти!.. Этимъ я кончаю, господа. (Шумные аплодисменты)».

Великое слово произнесъ г. Родичевъ, слово, которое въ устахъ Дантона означало 10 августа судорожный и титанически-страшный подъемъ народной энергіи, политическій шквалъ, выступленіе «Ахерона» на защиту дорогой Франціи. И ему шли, могуче шли навстрѣчу сверху. Рискуя головой, долженъ бить въ набатъ, сплачивать полки патріотовъ тотъ, кто крикнулъ великое слово: «отечество въ опасности!» Но для г. Родичева —это было только верхнее do, и естественнымъ его результатомъ, притомъ единственнымъ, былъ бурный взрывъ... аплодисментовъ!

8 іюня Урусовъ приподнялъ маску съ той силы, которая правитъ. Міръ увидѣлъ и ужаснулся той разбойничьей рожѣ, которая подъ нею скрывалась. А г-нъ Родичевъ? Онъ разразился потокомъ пустыхъ словъ и произнесъ фразу, достойную его «пѣсенки о министерской совѣсти».

«Былъ день, когда министерство, вступая во власть, могло торжественно заявить странѣ, что

оно отрекается отъ старыхъ путей произвола и насилія. Оно этого не сдѣлало. Былъ день, когда министерство могло рука объ руку съ Государственной Думой итти къ обновленію Россіи и отречься отъ прошлаго. Оно этого не сдѣлало. (Аплодисменты). Господа, несчастье наше состоитъ не въ томъ, что люди были злы и не хотѣли этого (хотя есть и такіе). Несчастіе состоитъ въ отсутствіи государственнаго пониманія.»

Вотъ видите ли, есть, конечно, среди бюрократіи «злые люди», но преобладаютъ «добрые», которые и хотѣли бы отречься отъ прошлаго», но... не понимаютъ. И какъ бы это имъ растолковать? Слушайте, слѣпые министры: . . . . . .

«Чортъ его знаетъ», говоритъ Лидвалевъ куманекъ Гурко, «чортъ его знаетъ, самъ онъ что-ли вѣритъ во всю эту белиберду. Ты слыхалъ, mon cher, какъ онъ про священный долгъ? On peut être bête, mais il y a des limites!—«Нѣтъ, онъ не такъ глупъ, какъ кажется... благородныя позы, cheri, они не мѣшаютъ. Вѣдь и нашъ Аркадій Несчастливцевъ какъ джентльмэнитъ! А ты, напр., ты совершенно не понимаешь цѣнности позы, ты не театратонъ»!—«Je m'en fiche!»

Но г. Родичевъ по слѣдамъ г. Струве пускается въ тонкую политику. И тутъ онъ безподобно наивенъ, прямо милъ въ своей наивности.

«Когда намъ говорятъ—обратитесь непосредственно къ Монарху, дѣло, вѣдь, идетъ о жизни дѣтей,—я вполнѣ понимаю тѣ чувства, которыми внушены эти предложенія. Но, господа, что же мы этимъ дѣлаемъ? Не перенесемъ ли мы отвѣтственности за то, что совершается, и за то, что совершится, съ лицъ дѣйствительно отвѣтственныхъ, отвѣтственности которыхъ мы требуемъ, на неотвѣтственное лицо Монарха? Вѣдь они, наши министры, только этого и добиваются. Они спокойно смотрятъ на казни и не останавливаютъ руки палача, быть можетъ, на зло, они какъ бы хотятъ сказать: это не мы, это—воля Монарха. Но мы не попадемся на эту ловушку. Мы заставимъ отвѣчать тѣхъ, кто долженъ отвѣчать, мы не дадимъ возможности обманывать русскій народъ».

«Мы не поддадимся тому увлеченію благоразумными чувствами, которое заставитъ насъ сдѣлать жесточайшую ошибку: утратить ту почву, на которой только мы и имѣемъ силу».

Понимаете, какъ тутъ г. Родичевъ играетъ въ руку г-ну Струве. Тотъ вновь и вновь доказывалъ

въ своей «Думѣ», что Монарху будетъ безконечно спокойнѣе у кадетовъ. Развѣ не пріятно быть неотвѣтственнымъ лицомъ? Всѣ выгоды положенія, вся декорація власти, блескъ, пышность, почеты—останутся, а страху не будетъ и слѣда. На стражѣ станутъ Милюковъ съ Гессеномъ, которыхъ народъ любить будетъ, а за нихъ благословлять и высочайшее мѣсто.

Но наивенъ Родичевъ съ признаніемъ, что эти надежды единственная «почва», на которой стоять кадеты!

Какъ лѣзъ изъ кожи Муромцевъ, чтобы быть подъ стиль «двору», какъ лебезили всѣ кадеты. Ахъ, ахъ, еслибы загнать клинъ между монархомъ и бюрократіей! ахъ, еслибы растолковать «тамъ», что съ кадетами безопаснѣе и пріобрѣсти въ союзники «фетишъ», который окрѣпъ бы снова стараніями кадетовъ. Струве-Арлекинъ бренчитъ на гитарѣ, Родичевъ-Пьеро мечтательно тренькаетъ на мандолинѣ, самъ Максимъ Ковалевскій гудитъ на контрабасѣ, и льется серенада.. «О выдь, верховная власть, на балконъ, кинь ласковый взглядъ на влюбленныхъ кадетовъ, мы строимъ ужъ новый дворецъ для тебя, не каменный замокъ, не теремъ печальный, въ которомъ ты вянешь вдали отъ людей подъ стражей невѣрной физической силы, нѣтъ—строимъ мы чудо—палаццо—модернъ, съ широкими окнами, кликн народа лю-

бовно въ нихъ будутъ вливаться къ тебѣ! О, власть, озари хоть одною улыбкой всю преданность нашу и прочь прогони бурбона болвана, скота бюрократа». А бюрократъ открываетъ окно и говоритъ: «долго ли вы будете еще мяукать тутъ. Уже барыня гнѣваться изволятъ».—Не вѣримъ тебѣ, бюрократъ! Не вѣримъ тебѣ, распаскудное средостѣніе, и народъ приглашаемъ не вѣрить. Это у тебя рожа гнусная, брань на языкѣ, по пулемету въ каждой лапѣ, веревка въ карманѣ, пасть жадная, глаза воровatые, зубы ядовитые, а барыня твоя и наша и тонка, и нѣжна, и любовью полна! Братцы, давайте пѣть. Максимъ Максимычъ, прогудите генералъ басомъ что-нибудь изъ англійской конституціи». И только они это сказали, какъ появилась на окнѣ сама барыня и выплеснула на нихъ нѣчто изъ ночного горшка съ надписью «манифестъ».

— «Пошли вонъ, дураки».

Однако, не все же еще кончено.

На 4 съѣздѣ Родичевъ перемѣнилъ свои струны на новый ладъ и грянулъ: Партія должна совершенно забыть все прошлое такъ, какъ-будто его и не было, и вступить на новый путь, какъ новорожденный младенецъ.

Но 4-ый съѣздъ нѣсколько сурово отнесся къ нѣвцу.

Лѣвые кадеты пожали плечами: «хоть бы шарманку эту унесли. И безъ того нудно на душѣ».

Однако, въ Родичева умные люди новый валикъ вложили. Не все еще кончено. И если не самъ Пьеро-Мирабо, то суховатые, основательные кадеты еще, можетъ быть, и войдутъ въ дворецъ власти. Еще, можетъ быть, и увидимъ мы блистательно г. Набокова, уже камеръюнкера—оберъ камердинеромъ, и, широко улыбаясь, станетъ г. Милюковъ съ булавой у парадная подъѣзда и даже будетъ угощаться табачкомъ изъ запасовъ какого-нибудь старослужилаго бюрократа. Жизнь течетъ, и газеты приносятъ съ собою новыя подтвержденія того, что уже высказано мною.

Газета Temps, право-буржуазная, но понимающая Клемансо, убѣдительно совѣтуетъ кадетскому Ивану Ивановичу поправѣть, а правительственному Ивану Никифоровичу полѣвѣть.

«Не быть иначе толку», говоритъ умная газета. И все отчетливѣе ясно, что Клемансо въ деньгахъ отказалъ: конечно, онъ вынужденъ будетъ своими банкирами дать ихъ Столыпину, если Столыпинъ остолыпитъ Россію и создастъ Думу изъ Остолоповъ. Но вѣдь это еще бабушка весьма на двое сказала. Такъ—Столыпинъ думаетъ. Въ недавнемъ заявленіи, долженствовавшемъ терроризировать населеніе ввѣренной г-ну Столыпину страны,

онъ старался заранѣе образумить обывателя, жаждущаго изъ подъ полы всунуть какую-нибудь «гадость».

«Наша сила — въ глубинѣ неизмѣннаго консерватизма широкихъ массъ населенія, и это даетъ мнѣ твердую увѣренность думать, что вторая Государственная Дума будетъ такая, какъ я хочу. Впрочемъ, правительство не остановится передъ роспускомъ ея, хотя бы на второй день послѣ созыва, если Дума не вполнѣ будетъ отвѣчать своему назначенію работоспособнаго учрежденія. Такая неудача ни въ коемъ случаѣ не можетъ разсматриваться, какъ нецѣлесообразность моей тактики. Если мнѣ дадутъ возможность довести дѣло до конца, я соберу третью Думу и ручаюсь, что она будетъ именно тѣмъ, что нужно Россіи, чтобы вывести ее, наконецъ, на путь закономѣрности.

— Не думаете ли вы, — спросило премьера то высокопоставленное лицо, съ которымъ шла бесѣда, что вторичный роспускъ подорветъ кредитъ Россіи за границей?

— Европѣ нуженъ порядокъ, какъ залогъ того, что заключенные сю съ Россіей договоры и обязательства будутъ выполнены точно, — отвѣчалъ премьеръ. Русское правительство было всегда

по отношенію къ своимъ кредиторамъ джентльмэномъ и останется такимъ и впредь; что же касается порядка, за него я ручаюсь еще болѣе, чѣмъ за составъ Думы, особенно теперь, когда все, такъ называемое, освободительное движеніе скомпрометировано убійствами и грабежами. Не можетъ быть, чтобы Европа, стремящаяся прежде всего къ порядку, не одобрила тѣхъ мѣръ, которыя принимаются русскимъ правительствомъ».

И все это вздоръ. Хвастали уже какіе-то таинственные вельможи, что мосье Рафаловичъ и Клемансо свалитъ, потому-де Европѣ порядокъ нуженъ. Но дѣло въ томъ, что Европа не дура-баба, понимаетъ, что подавить революцію репрессіями — планъ по нынѣшнимъ временамъ глупый, и означаетъ въ самомъ лучшемъ случаѣ короткую отсрочку. И не только Клемансо, но и Ротшильдъ съ братіей это понимаютъ. И если оппозиціонная Дума соберется, то Столыпина, какъ вѣтромъ сдуетъ, ибо будетъ она преумѣренно кадетская, кадеты будутъ преумѣренно думскіе, ручные, вѣжливые, и Европа скажетъ: «берите думское министерство, мы даемъ за нимъ приданое, а Столыпину съ перспективой n+1-ой послушной Думой не даемъ приданаго». И призовутъ, скрѣпя сердца, кадетовъ, хотя и въ обезцвѣченномъ видѣ.

Намъ же, конечно, обольщаться тутъ нечѣмъ. Не даромъ умная буржуазія того мнѣнія, что такой исходъ для нея всего выгоднѣе. Это значитъ, что онъ мало выгоденъ для пролетаріата. Но буржуазія можетъ ошибиться въ разсчетѣ. И кадетское замиреніе революціи можетъ тоже лишь дать отсрочку. Можетъ быть, эта отсрочка будетъ длиннѣе, можетъ быть и развратомъ реформизма отдалятъ успѣшнѣе страшный часъ грядущій, чѣмъ кнутомъ, но... онъ прійдетъ. Да и кто знаетъ, будетъ ли срокъ долгимъ? А не устроятъ ли Пуришкевичи и Пышкины, въ отвѣтъ на приглашеніе кадетовъ прижатымъ къ стѣнѣ правительствомъ-рабомъ банкировъ, — погромчики? А не придется ли тогда кадетамъ при аплодисментахъ Европы обратить грозное лицо противъ революціонеровъ справа, и, борясь съ черносотенными генералъ-губернаторами и квартальными, со всею чертовой бандой, которая озвѣрѣетъ отъ перспективы остаться безъ окладовъ, со всѣмъ темнымъ и реакціоннымъ, что есть еще въ арміи, не придется ли, борясь со всѣмъ этимъ, кадетскимъ миротворцамъ организовать собственноручно городскія и земельныя милиціи? А не грянутъ ли эти милиціи, этотъ кадетами вооруженный народъ, послѣ легкой расправы съ хулиганами въ мундирахъ и лохмотьяхъ на...

Не надо заглядывать въ будущее. Такъ легко об-

мануться. А настоящее уже играетъ всѣми красками. Кадетамъ хочется пройти въ Думу, они не прочь отъ блока съ соціалдемократіей для увеличенія шансовъ, но они знаютъ, что «красный союзъ» компрометируетъ ихъ, смотрите же, товарищи праваго крыла, какъ брезгливо отодвигается отъ васъ вашъ баринъ-союзникъ, читайте въ «Рѣчи» категорическія заявленія «передъ народомъ и передъ монархомъ», какъ говорилъ когда-то Родичевъ. Вотъ онѣ:

«По заявленію «Соціалдемократа» [illegible]ьнаго органа партіи, соціалдемократы пойдутъ въ Думу «исключительно для того, чтобы внутри ея и внѣ ея бороться за Учредительное Собраніе». «Дума должна служить высшимъ легальнымъ прикрытіемъ для нелегальной, революціонной организаціи народныхъ массъ, она должна пользоваться всѣми своими законными правами и преимуществами для того, чтобы помогать и содѣйствовать организаціи этихъ массъ, которой непосредственно занимаются революціонныя партіи. Она должна дѣлать то, что въ этомъ отношеніи дѣлали Легислатива и Конвентъ великой французской революціи, что дѣлала «легальная» Коммуна той же революціи».

Итакъ, цѣли іота въ іоту тѣ же, которыя были у партіи въ прошломъ году.

«Если въ прошломъ году лозунгъ «Учредительное Собраніе» былъ вполнѣ понятнымъ призывомъ, проистекавшимъ изъ переоцѣнки своихъ силъ, переоцѣнки, въ которой повинны не только партіи революціонныя, то теперь, послѣ роспуска Думы и всего того, что произошло за послѣдніе 4 мѣсяца, выставленіе того же лозунга въ качествѣ выборной платформы является демагогіей самаго худшаго типа.»

А тов. Плехановъ послѣ разгона Думы старался доказать, что теперь-то ужъ и у кадетовъ—учредительное собраніе будетъ несомнѣннымъ лозунгомъ. Но слушайте дальше:

«Соціалдемократъ» ставитъ своей непосредственной задачей «толкать всю буржуазную демократію на путь революціи, дѣлать изъ Думы въ цѣломъ, какъ изъ извѣстнаго источника, орудіе революціи».

«Вотъ это то стремленіе соц.-дем. должно встрѣтить самый рѣзкій и рѣшительный отпоръ со стороны «буржуазной демократіи», и даже той ея части, которая стоитъ за соглашенія. Необходимо договориться до конца и перестать тѣшить себя иллюзіями. Необходимо разъ навсегда установить,

что толкать «буржуазную демократію» и Думу куда бы то ни было соціалдемократамъ не удастся. «Буржуазная демократія» идетъ въ Думу, чтобы законодательствовать, чтобы сдѣлать попытку парламентскимъ путемъ добиться необходимыхъ условій гражданской жизни: свободъ, отвѣтственнаго министерства и т. д., а не для того, чтобы дѣлать въ Думѣ революцію».

Ясно и просто. А теперь законодательствовать можно будетъ только октавой ниже, и кадеты возьмутъ октавой ниже.

И не только кадеты идутъ въ Думу, какъ враги соціалдемократіи, ибо цѣли у нихъ совершенно противоположныя, они враги ея еще и потому, что всѣ силы употребятъ на то, чтобы вырвать у соціалдемократіи изъ подъ ногъ ея почву, они отнюдь не признаютъ въ ней представительницы классовыхъ интересовъ пролетаріата. Въ передовицѣ того же № вновь поднятъ старый стягъ Струве — самостоятельная работа кадетовъ въ рабочемъ классѣ:

«Большій» успѣхъ партій съ ярко подчеркнутыми соціалистическими стремленіями объясняется возможностью для нихъ давать «большія» обѣщанія и поддерживать въ массахъ болѣе радужныя ожиданія и надежды. Но такого рода успѣхъ

мы никогда не считали прочнымъ, и полагаемъ, что самъ по себѣ никакой монополіи на господство въ извѣстныхъ соціальныхъ слояхъ этотъ успѣхъ не создаетъ».

И дальше:

«Если наши противники цѣпятъ въ этой самостоятельности выступленія — возможность «прояснять классовое сознаніе пролетаріата», то мы не менѣе цѣнимъ возможность прояснять политическое самосознаніе всего русскаго населенія; и если они спѣшатъ заблаговременно предупредить своихъ сторонниковъ объ опасностяхъ, которыя мы считаемъ мнимыми, то мы тѣмъ болѣе должны считать своевременнымъ раскрывать глаза на опасности, серьезность которыхъ показала сама жизнь».

Такъ что, пожалуй, кадеты еще и оттолкнутъ руку, которую вы, по иниціативѣ Плеханова, протянули имъ, товарищи меньшевики. А еслибы ихъ сверху хоть немного потрепали по собачьей спинѣ, такъ ли бы еще они эту руку укусили!

Кадеты — врагъ, и небезопасный врагъ.

«Предательство буржуазіи — вотъ опасность, развращеніе народа грошевыми уступками — вотъ опасность» — будемъ, неизбѣжно должны говорить мы. «Провокація насилія, чрезмѣрная требовательность —

вотъ опасность!», будутъ говорить они. И только тогда перестанутъ они говорить это, когда мы принизимъ наши требованія до размѣровъ ихъ подачки и откажемся отъ идеи народной революціи, возложивъ упованія наши на «планомѣрное законодательство». Кто можетъ идти на это, тотъ будетъ доступнымъ соратникомъ Бріановъ и Мильерановъ. Если Гэдъ безпощадную борьбу противъ Клемансо считалъ возможнымъ совмѣстить съ отдѣльными избирательными соглашеніями, хотя и обставлялъ ихъ со всею осторожностью, то вѣдь дѣло шло о Франціи съ ея высокимъ политическимъ сознаніемъ. Если тов. Ленинъ считаетъ также возможнымъ вступить на такой путь, я боюсь, не ошибка ли это, не пора ли понять, что пропасть между нами и хитрѣйшими, опаснѣйшими изъ слугъ буржуазіи такъ глубока, война будетъ такъ безпощадна, что намъ не слѣдъ хотя бы на минуту сближать еще не созрѣвшіе элементы пролетаріата съ ихъ будущими развратителями.

Даже идея соглашенія на конечной стадіи, соглашенія съ кадетами противъ правыхъ, уже бросаетъ свою затхлую тѣнь на всю кампанію и не можетъ не диссонировать съ тою рѣжущей критикой, которою мы должны встрѣчать кадетовъ. И почему же тогда не допустить по этому же типу соглашенія съ мирнообновленцами противъ черносотенныхъ союзовъ? Тов. Плехановъ по-

слѣдователенъ. Кадеты ничѣмъ не лучше, только опаснѣе. И такъ ли страшно, если въ нѣкоторыхъ случаяхъ черносотенецъ побьетъ кадета. Кто вѣритъ въ революцію, можетъ ли думать, что «чумазый» удержитъ ее. А кто не вѣритъ въ нее—не ясно ли тому, что «чумазый» скорѣе создастъ ее.

Положивъ Пуришкевича и Милюкова на политическіе вѣсы, я вижу, что они колеблются, и думаю, что «оба хуже».

Конечно, въ политическомъ отношеніи, а не въ этическомъ.

Г. Милюковъ писалъ однажды:

«Историкъ нашей современной борьбы когда-нибудь будетъ судить справедливѣе насъ, и онъ скажетъ, что люди, стоявшіе въ эти годы во главѣ движенія, могли ошибаться въ оцѣнкѣ того, что осуществимо и что неосуществимо; что сама граница осуществимаго передвигалась, благодаря особымъ условіямъ борьбы; но что намѣренія этихъ людей всегда были честны; ихъ пріемы борьбы были чисты, и что, несмотря на всѣ теоретическія разногласія и на самые ожесточенные принципіальные споры, даже и цѣль ихъ политической дѣятельности была у нихъ одна. Рѣдкое, героическое время! Скоро, быть можетъ, оно кончится, и

тѣмъ больше мы должны дорожить его послѣдними минутами».

Да, для многихъ изъ кадетовъ это довольно вѣрно. Набрасывая портреты Милюкова, Струве и Родичева, я смѣялся иногда, удивлялся, пожималъ плечами, но всѣхъ трехъ я считаю по своему искренними политиками. Но «послѣднія минуты» близки. Въ политикѣ не человѣкъ красить мѣсто, а мѣсто человѣка. И если нагнувшись ниже, ниже, ниже, подталкиваемые сзади Клемансо — кадеты проползутъ въ кабинетъ—тогда и чистое въ нихъ станетъ не чистымъ, если только не спасутъ ихъ изъ болота репрессіи противъ смѣлыхъ и фальшивыхъ бумажекъ въ видѣ подачки робкимъ — ярость Меллеровъ, Гурко и Пуришкевичей.

Пусть эти кадеты внутренне чисты, они прямымъ путемъ стремятся въ грязь, ставшую гуще и зловоннѣе за эти тяжелые мѣсяцы.

А. Луначарскій

P. S. За время набора и печатанія настоящей брошюры политическое положеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значительно выяснилось, и выяснилось именно въ смыслѣ подтвержденія нѣкоторыхъ нашихъ гипотезъ.

Такъ, напримѣръ, долго и много волновалась русская публика слухами о «слабости» Клемансо и о томъ, будто онъ измѣнилъ радикализму и продалъ шпагу свою.

На дѣлѣ политика Клемансо оказывается точнехонько такой, какой я ее изобразилъ въ моемъ наброскѣ. Клемансо заблагоразсудилъ открыть нѣсколько свои карты передъ русской публикой и сдѣлалъ это посредствомъ интервью «высокопоставленнаго лица» съ корреспондентомъ газеты «Товарищъ». Интервью это весьма замѣчательно и вполнѣ заслуживаетъ быть здѣсь перепечатаннымъ. «Высокопоставленное лицо» слѣдующимъ образомъ разсказывало о разговорѣ Клемансо съ господиномъ Извольскимъ:

«Французское правительство знаетъ о демаршахъ русскаго правительства во Франціи и Ев-

ропѣ, съ цѣлью заключить новый большой заемъ. Что касается отношенія кабинета Клемансо къ этой новой попыткѣ, то оно извѣстно русскому правительству, благодаря откровеннымъ заявленіямъ Клемансо Извольскому. Клемансо на предложеніе Извольскаго пособить въ дѣлѣ займа отвѣтилъ приблизительно слѣдующее: «Мы дорожимъ русской дружбой, мы хотимъ остаться въ союзѣ съ Россіею. Мы готовы помочь вамъ и отъ души желаемъ, чтобы Россія обрѣла покой и порядокъ. Но возможенъ ли порядокъ въ Россіи? Мы вамъ дали столько денегъ... Но что вы съ ними сдѣлали? Мы ихъ давали на постройки, на усиленіе арміи и флота... Постройки — гдѣ онѣ? Армія и флотъ не стали сильнѣе... Мы готовы еще помочь вамъ деньгами, но мы должны имѣть гарантію, что онѣ не пойдутъ снова на репрессіи, какъ это было до сихъ поръ, а дѣйствительно на реформы, дѣйствительно на покрытіе производительныхъ расходовъ, безъ этой гарантіи трудно вамъ будетъ достать денегъ».

Все это, какъ видитъ читатель, вполнѣ логично и представляетъ собой весьма солидное coup d'épole дѣлу русскихъ кадетовъ. Далѣе:

«Извольскій отвѣтилъ, что правительство справляется съ безпорядками и анархіею, которые оно

скоро побѣдитъ, послѣ чего немедленно примется за реформы, обѣщанныя 17 (30) октября 1905 г. Для этого ему и нужны деньги. — Вотъ точный смыслъ обмѣна мнѣній между Извольскимъ и Клемансо. Послѣдній не виноватъ, если на основаніи такого обмѣна мыслей нѣкоторые стали распускать слухи, что онъ и его кабинетъ за новый заемъ. Это неправда. Неправда и то, что говорятъ другіе — какъ, напр., сегодняшній «Cri de Paris», — что Клемансо и его товарищи противъ займа. Правда посрединѣ: Клемансо и его правительство, не желая совершить дипломатической ошибки въ пользу Германіи, не желаютъ ссоры съ русскимъ правительствомъ, но съ другой стороны, не желаютъ поставить на карту достоянія Франціи, давъ еще денегъ безконтрольному и неспособному правительству; они, поэтому, помогутъ русскому правительству только въ томъ случаѣ, если будутъ имѣть гарантіи въ томъ, что деньги пойдутъ — съ согласія Думы — на дѣйствительныя нужды Россіи, а не на репрессіи и подавленіе освободительнаго движенія. Клемансо и его товарищи знаютъ про старанія (démarches) русскаго правительства дѣйствовать въ Парижѣ — и въ Европѣ — внѣ французскаго правительства: черезъ банки, черезъ

своихъ агентовъ и т. п. Такъ дѣйствовать русское правительство вполнѣ вправѣ, но и оппозиціонныя ему въ Россіи силы вправѣ ему въ этомъ противодѣйствовать. Но Клемансо, напримѣръ, не видитъ этого противодѣйствія и иногда себя даже спрашиваетъ, есть ли въ Россіи эта организованная оппозиція, разъ она себя заграницею не проявляетъ, не считая, конечно, заявленія революціонныхъ партій, или отдѣльныхъ публицистовъ и дѣятелей... При такихъ обстоятельствахъ неудивительно будетъ, если русское правительство добьется все таки займа, наводнивъ Францію заказами и убѣдивъ ее въ томъ, что значительная часть займа останется здѣсь въ видѣ уплаты по заказамъ... Словомъ, заемъ усердно приготовляется и, вѣроятно, будетъ заключенъ».

Нессимистическое заключеніе не подтвердилось. Послѣднее заявленіе Пишона доказало, что Клемансо достаточно силенъ, чтобы вести свою политику. Но упрекъ по адресу кадетовъ достопримѣчателенъ.

Впрочемъ, долженъ же понять умный французъ, по какому тонкому льду ходятъ кадеты. Конечно, до-думскій заемъ для нихъ ножъ вострый, но ежели станешь вести противъ него энергичную заграничную агитацію,

пожалуй, окончательно прогнѣвишь Олимпъ. Сами понимаете, мосье, что теперь для кадета самое первое дѣло заботиться, чтобы отъ него революціонеромъ даже и не пахло... ни-ни!

Однако, прихвастнуть post-factum кадеты не прочь. Комично послѣ реприманда Клемансо читать въ «Рѣчи» по поводу рѣзкаго заявленія Пишона, что «о займѣ нѣтъ болѣе и рѣчи», такія строки:

«Заявленіе это является результатомъ воздѣйствія на Клемансо какъ нѣкоторыхъ политическихъ дѣятелей, такъ и печати — не только французской, но и русской, которая произвела здѣсь въ официальныхъ сферахъ сильное впечатлѣніе своими протестами и указаніями на незаконность новой заемной операціи въ отсутствіи Думы. Вопросъ о русскомъ публичномъ займѣ былъ и обсуждался разносторонне. И Клемансо, согласившійся на такую операцію прошлой весной, склонялся, изъ внѣшне-политическихъ соображеній, въ пользу ея повторенія и теперь. Но, какъ человѣкъ, чутко прислушивающійся къ общественному мнѣнію, онъ, какъ видно, далъ себя уговорить. И теперь остается только констатировать, что публичный русскій заемъ во Франціи на время отвергнутъ».

Разумѣй, Еремѣй! Гордись, обыватель,—это все твой кадетъ за тебя работаетъ. Кадеты не проявили трусости, они не уклонились отъ борьбы съ правительственной агитаціей за заемъ въ Западной Европѣ, Клемансо не попрекалъ ихъ, нѣтъ! это они его уговорили. О мудрые, вліятельные лидеры!

Интереснымъ подтвержденіемъ правильности тѣхъ аргументовъ, которые мы гипотетически влагали въ уста Клемансо, является письмо французскаго дипломата (вѣроятно, Бомпара), напечатанное въ «Народно-Соціалистическомъ Вѣстникѣ» и представляющее собою маленькій докладъ Клемансо. Вотъ оно:

«Въ томъ, что русское правительство дошло въ финансовомъ отношеніи до послѣдней крайности, и что ему необходимъ значительный заемъ для того, чтобы удержаться посредствомъ той политики анархіи, на путь которой оно вступило,—нѣтъ никакого сомнѣнія. Но не менѣе несомнѣнно, что новый заемъ, ничего не спасая, только продолжитъ настоящую анархію административной и общественной жизни, невыносимымъ гнетомъ лежащую на повседневномъ существованіи каждаго обывателя. Съ другой стороны, онъ никоимъ образомъ не спасетъ непріятнаго положенія, въ которомъ находятся владѣльцы русскихъ процентныхъ бу-

магъ, но, наоборотъ, будетъ имѣть тенденцію сдѣлать это положеніе совершенно отчаяннымъ. Наконецъ, съ точки зрѣнія международной политики, онъ будетъ совершенно безполезенъ, въ виду того, что официальная Россія разсматриваетъ теперь союзъ, какъ операцію, исключительно кредитную, и въ политическомъ отношеніи тяготѣетъ къ Германіи».

Совершенно вѣрно и очень умно. Кадетская Россія будетъ искреннѣйшимъ союзникомъ Франціи, а для камарильи «Потсдамскій кузенъ» всегда будетъ свѣточемъ и надеждой. Дипломатъ кончаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Трудно допустить, чтобы французскія сбереженія должны были служить источникомъ средствъ на продолженіе подобной политики, тѣмъ болѣе, что послѣдняя ненавистна всему населенію. Я понимаю, что въ вашемъ положеніи дѣло заключается не въ томъ, чтобы принять ту или иную сторону во внутренней политикѣ Россіи, но по-просту въ томъ, чтобы не дать погибнуть въ финансовой катастрофѣ пятнадцати милліардамъ, которые мы помѣстили здѣсь въ государственныхъ и промышленныхъ цѣнностяхъ. Между тѣмъ, ни политическія, ни экономическія условія не позволяютъ надѣяться,

что новый заемъ измѣнитъ нынѣшнее положеніе».

Въ самой «Рѣчи» было напечатано интервью съ Клемансо, въ которомъ выражалось недовольство все болѣе «черной» политикой Столыпина и тѣмъ, что графъ Витте оказался въ оппозиціи.

Графъ Витте, несомнѣнно, работаетъ. Газета «Слово», несомнѣнно, его газета, и она ведетъ себя достопримѣчательно. Я думаю, и тутъ видна рука «сватушки Клемансо», которому смерть хочется счастливой свадьбы «престолъ-отечества» и Думы, который и на хорошее приданое не поскупится. «Слово» окончательно оставило не только Столыпина, но и «Союзъ 17 октября», который газета находитъ «неконституціоннымъ». Въ то же время г. Федоровъ, личный секретарь графа, запускаетъ «жука»—какой бы мы, молъ, силой стали, если бы поправѣвшіе правые кадеты слились съ мирнообновленцами и П. Д. Р.! Графъ, навѣрное, не отказался бы стать во главѣ столь почтенной компаніи.

Ободренный всѣмъ этимъ, г. Милюковъ круто повернулъ корабль направо, такъ что нѣкоторые лѣвые кадеты чуть не выпали за бортъ.

Мы видѣли печальныя картины. Если бы онѣ не были печальны, онѣ были бы забавны. Мы видѣли, какъ вожди партіи революціоннаго пролетаріата предлагали ея

услуги кадетскому барину, а баринъ морщился и цѣдилъ сквозь зубы: «я не прочь принять услуги, но я боюсь запачкаться въ красное, меня тогда въ дворцѣ не примутъ. Поддерживайте меня, но почтительно, и раньше сами умойтесь, причешитесь и примите парламентарный видъ».

Мы видѣли, какъ кадетъ поучалъ т. Плеханова, въ отвѣтъ на его алгебраическую хитрость, что смѣлый политикъ долженъ высказывать то, что есть, вскрывать политическія и классовыя противорѣчія, а не затушевывать ихъ. Это, ставши въ позу, говорилъ кадетъ — Плеханову. По характеристикѣ кадетовъ товарищъ Плехановъ задался цѣлью тянуть соц.-дем. вправо отъ ея самыхъ правыхъ позицій. Да, не даромъ ревизіонистскій журналъ «Socialistische Monatshefte» борется теперь противъ Каутскаго цитатами изъ... Плеханова. Все измѣнилось подъ нашимъ зодіакомъ, графъ Витте лѣвымъ сталъ, Плехановъ вдругъ сталъ ракомъ! Отъ лозунга Учредительное Собраніе товарищъ Плехановъ допятился до алгебраическаго полновластія. Но кадетскіе Цыфиркины нашли алгебру неподходящей наукой и заявили: «тутъ все ясно, какъ дважды два; намъ надо быть министрабельными; зарвемся — выгонятъ насъ въ шею, а мы правительство перехитримъ, перечить ему не станемъ. Оно кричать, а мы — да-съ! Оно, держа, нач-

кнутъ за спиной дразнить,—а мы поклонъ: именно! точно такъ-съ! И сдѣлаемъ мы для правительства разгонъ Думы невозможнымъ. Незлобіемъ нашимъ обезоружимъ враговъ и, въ виду хорошаго приданаго, выйдемъ замужъ за престолъ-отечество. Поддержать насъ вы можете, но не говорите о платформахъ, заботьтесь о возстановленіи прежняго думскаго большинства и баста!»

И прійдетъ кадетская святая Женевьева въ Думу, и на вервіи, петлей набросанномъ на одну изъ головъ пролетарской гидры (имя головы Ц. К.), приведетъ смирённаго ею дракона! И скажетъ кадетская святая Женевьева, укротительница дракона: «Я, ваше превосходительство, никогда бы съ нимъ не снюхалась, а я его пр[illegible]то использовала. Ежели ему теперь каждый годъ порцію реформистскаго сѣна изъ парламентскаго сѣновала отпускать,—какъ на ослѣ, ваше превосходительство, хоть воду вози».

Да, союзъ буржуазіи и бюрократіи для ликвидаціи революціи опять налаживается. Старанія Столыпина преслѣдовать кадетовъ — послѣднее усиліе обойтись безъ нихъ. И за спиной Столыпина, разящаго кадетовъ палицей, уже стоятъ другіе съ хлѣбомъ солью на случай новой кадетской побѣды. На языкѣ нашихъ хитрецовъ поддерживать подъ ручку невѣсту, въ срѣтеніе жениху грядущую, называется изолировать реак-

цію. Неужели пролетаріатъ будетъ способствовать самому умному, самому вѣроломному плану размѣнять готовящійся революціонный ураганъ на движеніе «медленнымъ шагомъ, робкимъ зигзагомъ»? Неужели мы забудемъ, что при самостоятельной тактикѣ пролетаріата годы «исключительныхъ законовъ» и реакціи бываютъ такъ же ему на пользу, какъ и попытки его приласкать? Неужели мы забудемъ, что репрессіи—самое глупое средство самыхъ глупыхъ чиновниковъ, а реформизмъ—самая усовершенствованная консервативная и анти-революціонная метода?

Намъ нечего желать ни сближенія правительства и буржуазіи противъ насъ, ни временнаго торжества черной сотни; у насъ довольно своего революціоннаго дѣла, которое надо вести непреклонно.

А. Луначарскій.

Библиотека
Института
при Ц.К. [illegible]

ИЗД. „ШИПОВНИКЪ“ СПБ.

НЕВСКІЙ, 102.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

БАЙРОНЪ. „Каинъ“. Обложка, заставки и концовки художн. В. Чемберса. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 50 к.

А. ФЕДОРОВЪ. Сонеты. Обложка художн. И. Я. Билибина. Цѣна 40 к.

БОР. ЗАЙЦЕВЪ. Сборникъ разсказовъ. Обложка художн. М. Добужинскаго. Цѣна 50 к.

А. АМФИТЕАТРОВЪ. Современныя сказки. Обложка художн. И. Билибина. Цѣна 50 к.

А. ЛУНАЧАРСКІЙ. Пять фарсовъ для любителей. Цѣна 40 к.

ПАРВУСЪ. По тюрьмамъ во время революціи. (Печатается).

ИЗД. „ШИПОВНИКЪ“ СПБ.

НЕВСКІЙ, 102.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

О. БЕРДСЛЕЙ. 65 рисунковъ, избранныхъ по указ. художн. К. Сомова. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 50 к.

П. ѲЕДОТОВЪ. Альбомъ рисунковъ. (Готовится къ печати).

ГОЙА. Офорты. (Готовится къ печати).

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА

на соціально-политическія темы въ исполненіи художниковъ «Simplicissimus'a»: Т. Т. Гейне, Бруно Пауль, Р. Вильке, Е. Тэни и др.

ИЗД. „ШИПОВНИКЪ“ СПБ.

НЕВСКІЙ, 102.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ.

При участіи: Леонида Андреева, М. Арцыбашева, Ив. Бунина, Максима Горькаго, С. Елпатьевскаго, Бор. Зайцева, А. Куприна, С. Найденова, А. Серафимовича, С. Сергѣева-Ценскаго, Н. Телешова, Евг. Чирикова, С. Юшкевича и др.

Въ каждомъ альманахѣ будутъ помѣщены оригинальные рисунки въ краскахъ (5—6) въ исполненіи художниковъ: Б. Анисфельда, И. Билибина, Л. Бакста, З. Гржебина. В. Добужинскаго, Е. Лансере, Д. Кардовскаго, Б. Кустодіева, Н. Рериха, В. Сѣрова, В. Чемберса, С. Чехонина и др.

Первый альманахъ выйдетъ въ январѣ 1907 г.

Цѣна каждаго альманаха 1 рубль.

ИЗД. „ШИПОВНИКЪ“ СПБ.

НЕВСКІЙ, 102.

Печатается и вскорѣ поступитъ въ продажу:

Революціонно-историческій альманахъ подъ общей редакціей В. Л. Бурцева.

При участіи литераторовъ: Л. Андреева, В. Бурцева, В. Водовозова, В. Голубева, М. Горькаго. А. Куприна, Е. Кусковой, А. Луначарскаго, Л. Плохоцкаго, С. Прокоповича, Н. Рахманова, А. Серафимовича. Е. Смирнова, Ю. Стеклова, Н. Тана, Е. Тарле, А. Федорова, Е. Чирикова, П. Щеголева и др.

Художниковъ: Б. Анисфельда, И. Билибина, З. Гржебина, М. Добужинскаго, Б. Кустодіева, Е. Лансере, С. Чехонина.

ИЗД. „ШИПОВНИКЪ“ СПБ.

НЕВСКІЙ, 102.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

РОБЕРЪ ЛЯГАРДЕЛЛЬ. Революціонный синдикализмъ. Авторизированный переводъ съ рукописи. Цѣна 40 к.

А. ЛАБРІОЛА. Реформизмъ и синдикализмъ. Съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. Перев. съ итальянскаго подъ ред. и съ послѣсловіемъ А. Луначарскаго. Цѣна 75 к.

А. ЛУНАЧАРСКІЙ. Три кадета. Политическій памфлетъ. Цѣна 40 к.

А. АМФИТЕАТРОВЪ. Побѣдоносцевъ. Политическій памфлетъ (Печатается).

К. МАРКСЪ. Къ критикѣ политической экономіи. Съ предислов. К. Каутскаго. Переводъ со 2-го нѣм. изд. и предисловіе къ русскому изданію П. П. Румянцева. Цѣна 90 к.

Г. ЧУЛКОВЪ. Анархическія идеи въ драмахъ Ибсена. Цѣна 60 коп.